

Kalina

ДАРЬЯ КАЛИНИНА

Да поможет нам
Босс!

СЕКРЕТЫ
ДАМСКОЙ
ОХОТЫ

Сыщицы-любительницы Мариша и Инна

Дарья Калинина

Да поможет нам Босс

«ЭКСМО»

Калинина Д. А.

Да поможет нам Босс / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
— (Сыщицы-любительницы Мариша и Инна)

Не верьте своим глазам, даже если видите умирающий божий одуванчик. Мариша купилась на беззащитный вид армянской бабульки Гоар Акоповны и ее мольбу разыскать наследников. Мол, хочет передать имущество тому, в чьих жилах течет славная кровь Назарянов, а Мариша внушает ей особое доверие. Но старушка оказалась еще та! Не по годам деловая, богатая и ловкая на уговоры и посулы. Подруги Мариша и Юлька едут в Ереван на поиски рассеянных по всей Армении родственничков Гоар. И ведь находят! Только почему-то, как только обнаруживается очередной Назарян, его убивают. Однако деньги отрабатывать нужно, поэтому Мариша и Юлька продолжают марафон, гоняясь за оставшимися в живых потомками баснословно богатой старушеницы...

© Калинина Д. А.

© Эксмо

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	23
Глава четвертая	29
Глава пятая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дарья Калинина

Да поможет нам Босс!

Глава первая

Иные дни обещают вам целый фейерверк развлечений, приятных событий или чудесных сюрпризов. А на деле все оборачивается пшиком – лопнувшим мыльным пузырем, который лишь короткий миг порадовал глаз радужным переливом красок. Но в другие дни, ничего особенного не ожидая от жизни, внезапно получаешь от нее интересный подарок.

Проснувшись утром, Мариша уже твердо знала: сегодняшний день ее точно ничем не порадует. Поэтому и вставать не торопилась. Тем более что и погода за окном не радовала. Ну да, по календарю давно значилось лето. Но что это было за лето?!

Ежедневно дождь, слякоть, холод и какой-то особо мерзкий, пронизывающий ветер, который дул то с Ладоги, то с Финского залива, то вообще его приносило из неведомых далей Белого моря. Но где бы ни зарождались эти воздушные массы, они были одинаково холодными и неприветливыми.

Поэтому Мариша еще и еще долго нежилась в своей мягкой, уютной постельке. На ее кровати, если честно, вполне могли бы расположиться три таких Мариши. Но именно за это она и любила свою кровать. В ней было комфортно хоть вдоль улечься, хоть поперек, хоть по диагонали. Хоть калачиком, хоть буквой «зю». Поворачиваясь под теплым, но легким одеялом, которое смастерили умельцы финны, Мариша размышляла о том, до чего же ей хорошо в данный конкретный момент и до чего не хочется что-либо менять.

А ведь дел у Мариши было запланировано много. Но все какие-то сиюминутные, бытовые и потому скучные. Душа же требовала полета, любви и солнца. Увы, ничего такого ее расписание не предусматривало.

– Придется вставать, – приказала себе Мариша.

Эту фразу она повторила себе с разными – ласковыми, нежными, угрожающими, гневными и даже льстивыми – интонациями уже раз пять. С равными промежутками в десять минут. Именно с такими интервалами звонил ее будильник с таймером. Сначала Мариша пыталась вразумить себя ласково. Потом начала сердиться. Но под конец махнула рукой и позволила себе любимой еще понежиться и полениться.

В конце концов, если она не явится точно к одиннадцати в свое агентство «Казанова», занимающееся подбором элитных женихов для вполне обычных невест, никто от этого не умрет. Разве что кто из женихов скончается от нетерпения. Но ее саму за это даже не уволят. Потому что хозяйка агентства – она сама. А саму себя снимать с занимаемой должности Мариша не могла.

– Да, во всем нужно уметь видеть плюсы, – пробормотала Мариша, снова погружаясь в сладкую дрему.

Но только не надо думать, что Мариша была лентяйкой и соней. Ничего подобного! Когда нужно, она проявляла феноменальную работоспособность, энергичность и выносливость. Но в последнее время то ли погода сказывалась, то ли дисбаланс микроэлементов в ее организме достиг критической точки, то ли причина была в затяжной депрессии, только с каждым новым наступающим утром Мариша чувствовала, что приниматься за дела ей хочется все меньше, а вставать тянуло все позднее и позднее.

– Нам с тобой срочно нужно встряхнуться! – уверяла подругу Юля, которая, как оказалось, испытывала сходные симптомы, только не столь ярко выраженные.

Собственно говоря, она о них и не задумывалась, и внимания на них не обращала. Но только до тех пор, пока к ней не явилась в гости Мариша со своим нытьем и жалобами на плохое самочувствие. Тут уж Юлька мигом провела аналогию с собой и ужаснулась. А ужаснувшись, пришла к выводу – им срочно необходимо отдохнуть.

– Лето на дворе, – вяло отбивалась Мариша. – Самый горячий сезон у нас в агентстве. Тебе ли это не знать?

– Знаю! Но я тоже не ломовая лошадь! Могу иногда и отдохнуть.

– А зимой нельзя?

– Нам сейчас нужно!

– Но ведь клиенты, – ныла Мариша.

– Ты на себя-то посмотри! – возмущалась Юлька.

– А что такое?

Перед приходом подруги Мариша успела привести себя в порядок. Тщательно вымыла и уложила волосы, которые спадали теперь с ее головы тяжелыми золотыми волнами. Подкрасилась. Надела свое новое платье глубокого синего цвета, который делал ее глаза необыкновенно яркими – словно два крупных сапфира. Мариша была уверена, что выглядит превосходно. И вдруг!

– Ты сама на себя не похожа! – ужаснулась подруга.

– Так плохо выгляжу? – испугалась Мариша.

Господи, видимо, у нее что-то со зрением не в порядке, раз она никаких особых дефектов в своей внешности не заметила.

– Ты же словно сонная муха!

– Ну да, какая-то вялость... К ногам словно гири привязаны. Это есть.

– В глазах нет блеска!

– Откуда ему взяться? Ведь скука смертная!

– Тебя же ничего не интересует! Я рассказала про соседей, которые внезапно исчезли всей семьей, а ты даже не заинтересовалась!

– А что с ними? – проявила Мариша запоздалую попытку заинтересоваться.

– Да с ними-то все в порядке! Оказывается, они просто в гостях были. А всю шумиху, будто они пропали, их убили или похитили, подняла мамочка, то есть любимая свекровь, которой они про поездку в гости не сказали, чтобы она туда за ними не поперлась. Отдохнуть от ее опеки хотели, понимаешь? Но дело-то не в том!

– А в чем же?

– Да в том, что ты не слышала конца этой истории. Даже не пожелала узнать подробности!

– И что?

– Ты перестала совать нос не в свои дела. Вот что!

– А это плохо?

Юля задумалась.

– Пожалуй, не так уж и плохо, – решила она наконец. – Но очень нетипично для тебя, Мариша. А потому пугает и настораживает.

Маришу и саму пугало странное состояние, в котором она пребывала уже второй месяц. Она даже ходила к врачам, к которым никогда прежде не обращалась, пребывая в глубоком убеждении, что стоит сунуться к доктору с пустяковым насморком, как тут же у тебя обнаружится куча болячек. И выйдешь ты из поликлиники развалиной, которой прямой путь если не на кладбище, то уж точно в ближайшую больничку. На койку. Милости просим к хирургу, дорогуша! Что-нибудь отрежем, что-нибудь пришьем, и станете словно новенькая.

Но сейчас Мариша все же нанесла визит доктору. Правда, для начала только терапевту. Прошла по его требованию полное обследование и с удивлением обнаружила, что по состоянию здоровья вполне годится в космонавты.

– Просто уникально в наше время. И говорите, при таком идеальном здоровье у вас хроническая усталость?

– Я бы сказала, мне просто расхотелось...

– Что расхотелось?

– Да все на свете, – вздохнула Мариша. – Ничего не интересует. Даже на работу не тянет.

– Просто удивительно. С таким-то здоровьем? А на танцы? На вечеринки?

– А смысл?

Пожилой доктор долго тер нос, внимательно разглядывая Маришу и пытая при этом. Он явно что-то собирался ей сказать. Но не решился.

– Скажите, – произнес он, – а вы в данный момент замужем?

Вопрос был, что называется, не в бровь, а в глаз.

– Не-ет, – промямлила Мариша после минутной паузы. – А разве это важно?

– Другими словами – мужа у вас нет?

– Нету, – вынуждена была признать Мариша.

– Так вот в чем беда! Вам срочно нужно выйти замуж!

– Думаете?

– В старину всех меланхолических девушек, мучавшихся малокровием, апатией и прочей дурью, просто выдавали замуж. И уверяю вас, они очень быстро начинали бегать, рожали детей и расцветали.

Мариша слушала доктора и хмурилась. Хорошо ему советовать, а за кого ей замуж-то идти? Кругом одни недоумки, недостойные не то что ее руки и сердца, но даже мимолетного взгляда. Но доктор Маришин испытующий взгляд воспринял как-то неправильно. Засмутился, покраснел и поспешно произнес:

– Нет, нет. Я лично вам в мужья никак не гоюсь. Вам нужен кто-то помоложе.

– Скажите, а нельзя мужа заменить?

– Как это?

– Ну, таблеточками.

– Вы имеете в виду гормоны?

– Не знаю, вы врач, вам виднее. Вы пропишите мне лекарство, а я его попыю.

– Я вам уже все прописал, – отрезал доктор, но, видя уныние на Маришиной физиономии, смягчился и добавил: – Конечно, я могу вам назначить сотню препаратов. Но какой вам смысл глотать химию, если есть, так сказать, вполне естественный продукт, который вам поможет?!

В общем, из кабинета доктора Мариша уходила в смятенных чувствах. С одной стороны, диагноз он ей поставил и лекарство прописал. Только вот где его взять, это лекарство, вот в чем вопрос! В аптеку с таким рецептиком уж точно не сунешься.

Разумеется, раз от этого лекарства зависела ее жизнь и здоровье, Мариша с большой активностью принялась подыскивать подходящего мужа. Тем более что работала она, как уже говорилось, в самом подходящем для этого месте – в брачном агентстве. Но вот парадокс! Чтобы найти мужа, следовало заинтересоваться этим делом. А у Мариши совершенно, ну просто совершенно не было никакого интереса. Напротив, замуж-то ей как раз и не хотелось!

– Вот в чем ужас! Вот в чем драма! – поделилась Мариша с Юлькой.

И та сразу же заявила:

– Лично мне все ясно! Дурак твой доктор! Сразу видно, что мужчина.

– Почему это дурак?

– Потому что для начала тебе нужно просто сменить обстановку.

– Мебель поменять?

– Вот оно! То самое, о чем я тебе и говорю! – рассердилась Юлька.

– Что?

– Ты уже тупеешь! При чем тут мебель?

– А что? Ты же сама сказала: обстановку поменять.

– Я имела в виду, что нам надо встряхнуться, снова почувствовать вкус к жизни. А потом уже и замуж выходить. А то в теперешнем твоём состоянии отхватишь себе первого попавшегося зануду и будешь потом с ним всю жизнь мучиться.

– Зачем же всю? – робко возразила Мариша. – У нас в стране развод никто не отменял.

– Зачем жениться, если потом все равно разводиться?

Этого Мариша не знала. Но почему-то у нее лично выходило именно так. Количество мужей равнялось трем. И количество разводов было таким же. Что и говорить – неутешительная арифметика. Даже с последним мужем, со Смайлом – прозванным так в шутку за свой поистине гигантский рост, Мариша долго жить вместе не смогла. Хотя он и пытался многократно восстановить их отношения. И даже клялся Марише в неизменной любви. Да она и не сомневалась, что он в самом деле искренне к ней относится. Но... Но простить обман и измену – нет, она этого так и не смогла.

Впрочем, не совсем так. Простить она своему бывшему мужу все простила. Зла Мариша долго на сердце не держала. Слишком светлая и жизнерадостная у нее для этого была натура. Но все же смириться с тем, что ее муж, человек, которому полагалось в горе и радости быть рядом с ней, оказался способным на предательство, этого Мариша пережить не сумела.

Как забудешь такое?! А ведь Мариша пыталась. Но подсознательно она совершенно точно знала: если человек однажды предал, то, вполне вероятно, он повторит свою гнусность. А это значит – годами жить на пороховой бочке.

– Не хочу я так, – плакала Мариша. – Он выходит за сигаретами, задерживается на час, я уже начинаю думать, где он, с кем время проводит. А если еще и трубку при этом не берет... О-о-о! Тут уж вообще труба!

И не помогало ей никакое самовнушение. Мариша не могла избавиться от мысли, что живет с человеком, способным на измену и обман. И значит, доверять ему до конца просто глупо. Обливаясь в душе слезами, она все же указала Смайлу на дверь.

Кто-то ее осудил. Кто-то пожалел. Но сама Мариша знала, что приняла единственно верное решение. Следить и подглядывать за мужем было противно. Доверять ему невозможно. Ну и что в итоге? И все бы ничего, да только окончательно расставшись с когда-то горячо любимым мужем, а потом обманщиком и мерзавцем, Мариша вдруг начала чахнуть.

Вот и тем утром она решила, что не станет насиловать свои немогучие силы. Полежит тихонько под одеялом, а когда надоеет, тогда и встанет. А захочет, и вообще не встанет. Кому какое дело? Ведь девочки из «Казановы» за указаниями позвонят... Так телефон на то и существует, чтобы избегать лишних движений. Но все же именно этот день приготовил для Мариши сюрприз. И, как полагается настоящему сюрпризу, Мариша ничего такого и не подозревала до того момента, пока он не принялся названивать ей в дверь.

Сначала Мариша проигнорировала этот звук. Потом просто притворилась глухой. Но за дверью не унимались. И Марише пришлось встать. Дремать и грезить, когда по всей квартире разносилась оглушительная корабельная сирена – примочка, оставшаяся на память о Смайле, избавиться от которой у Мариши все время руки не доходили, – было решительно невозможно.

– Иду, иду! – ворчала Мариша, неожиданно легко спрыгивая с кровати.

Подбежав к дверям и распахнув их, она обнаружила на лестничной клетке сухощавого парнишку с сердитыми черными глазами.

– Вы что, спали? Как не стыдно! – воскликнул он, обозрев откровенный наряд Мариши, которая появилась в шелковом, расшитом розовыми бутонами пеньюаре, надетым на голое тело. – Вашей бабушке совсем плохо!

Мариша растерянно посмотрела на пышущего гневом молодого человека, а потом перевела взгляд на темный тючок, который она первоначально приняла за сверток с тряпьем. Но

«сверток» неожиданно зашевелился и издал стон. Нагнувшись, Мариша с удивлением обнаружила, что перед ней старая женщина. Но что она делает у нее на пороге?

В первый момент Мариша приняла бабулю за родственницу молодого человека, трезво-нившего в дверь. Оба были явно южанами. И Мариша грешным делом даже подумала, что молодой человек собирается спихнуть на нее заботы о своей престарелой родственнице. Но, присмотревшись, убедилась, что бабуля родом откуда-то с Кавказа. А молодой человек – скорее узбек или таджик.

Молодой человек был одет более чем демократично: майка и дешевые джинсы. А вот на старухе красовался костюмчик, на который сама Мариша облизывалась вот уже две недели, но из-за немыслимой цены вещицы отказывала себе в покупке. Костюмчик висел в витрине недавно открывшегося магазина, а потом неожиданно пропал. Чтобы потом вот так взять и снова соблазнительно возникнуть перед Маришиным носом.

– Пустите же свою бабушку в дом! – возмутился тем временем молодой человек. – Разве можно так?

Мариша окончательно растерялась.

– Это не моя бабушка!

– И что? Пусть бабушка мужа. Нельзя же допустить, чтобы пожилой человек на пороге валялся.

Этого допустить Мариша и в самом деле не могла. И с помощью парня внесла старушку в свою квартиру. И устроила ее на диванчике в гостиной. После этого добрый самаритянин, сочтя свой долг выполненным, бесследно испарился. А Мариша осталась наедине со старушкой.

Бабуля выглядела плохо. Седые волосы растрепались и обрамляли длинное смуглое лицо неровными прядями. Но даже сквозь смуглую кожу проглядывала бледность. Глаза были закрыты. А синеватые веки подрагивали. Она часто и прерывисто дышала. И постоянно прижимала руку к сердцу.

Мариша метнулась в кухню за водой и лекарствами. Плохо представляя, что именно надо старушке, она накапала в стакан валокордина, пустырника, валерианы и добавила раздавленную таблетку ношпы. Все это она размешала и влила в старушку. Видимо, получившийся коктейль отличался термоядерным вкусом, потому что старушка дико раскашлялась. И пришла в себя.

– Тебя, деточка, мне сам бог послал!

Таковы были ее первые слова, когда она открыла глаза и узрела перед собой Маришу. Девушка была приятно изумлена. Но бдительности все же не теряла. Несмотря на то что старушка была прилично одета и обута в дорожные австрийские туфли из мягчайшей кожи, мало ли кто она такая. Может быть, все же воровка. А одета хорошо для отвлечения внимания. А тот молодой человек, который заставил Маришу впустить старушку, ее напарник. Вместе они обворовывают квартиры зажиточных горожан. И хотя саму себя Мариша к зажиточным не относилась, но ведь воры могли этого и не знать!

Квартира у Мариши находилась в новом доме и в очень приличном месте. Машину она тоже недавно поменяла. И, как ей казалось, очень удачно, обменяв порядком надоевший ей «Форд» на «Мазду», тоже не новую, но еще не успевшую надоесть. К тому же внешне машина выглядела просто шикарно – густого сливочного цвета и с кожаным светлым салоном. Подарок расщедрившегося Смайла на их последнее и, надо полагать, окончательное прощание.

Прибыль самой Мариши в ее фирме позволяла приобрести разве что подержанные «Жигули». Но об этом Мариша, не любившая жаловаться на свою жизнь, портить настроение друзьям и радовать врагов, тактично помалкивала. Так что воры могли легко ошибиться насчет благосостояния девушки.

– Я живу в твоей квартире, – сообщила старушка Марише, чем повергла ту в шок.

– Ничего себе заявление! С какой это стати?! – возмутилась Мариша. – Тут живу только я! И еще мой бывший муж был прописан. Но вы – это точно не он!

– Ах, ты не поняла, – рассмеялась старушка, которой от приготовленного Маришей коктейля стало значительно лучше – вернулся цвет лица. Щеки заиграли если не румянцем, то живыми красками. А темные глаза старушки заблестели. И даже волосы уже не торчали такой унылой паклей.

– Ты меня не так поняла, – продолжала старушка. – Я имела в виду, что живу точно в такой же квартире. Только на два этажа выше. Над тобой.

– А-а-а.

– А к тебе я случайно попала. Электричество отключили. Лифт не работал. Вот я и решила молодость вспомнить.

– В смысле?

– Пешочком по лестнице подняться. Только, видать, силенок не рассчитала. На твоём этаже как раз и сомлела. Да показалось, что дошла уже. Дверь уж больно похожа.

Двери во всем доме действительно были стандартные. Обитые темно-изумрудной искусственной кожей с прожилками. Выглядели они на фоне кремовых стен несколько диковато. Но домоуправление тщательно следило, чтобы ни один жилец не вздумал самовольно поменять такую красоту на что-нибудь другое. Это же касалось и застекления лоджий. Всем им надлежало хранить единый стиль. И, в общем, это было правильно. Во всяком случае, фасад дома не «радовал» глаз творческими решениями самоучек, соорудивших себе лоджии из кусочков фанеры, разноцветного пластика и обрезков стекла.

Эти правила были прописаны и в контракте, который заключался с каждым новым жильцом. Вольнодумцам за самоуправство выписывался солидный штраф. Что и сдерживало инициативу жильцов.

– Вы недавно переехали в наш дом? – догадалась Мариша и оказалась права.

– Месяца не прошло, как я тут поселилась. Еще толком никого не знаю, но про тебя уже наслышана.

– И что говорят?

– Разное, – уклончиво ответила старушка. – Да, кстати, мы же не познакомились. Меня зовут Гоар Акоповна. На твой слух непривычно, наверное. Гоар – это правильнее будет звучать Гохар. Старинное армянское имя. Меня назвали в честь прабабушки.

– А я...

– А тебя я знаю, – перебила старушка молодую соседку. – Только вот мне что про тебя интересно знать – правду языки болтают или врут?

– Насчет чего?

– Что ты милиции помогаешь. Преступников ищешь, воров всяких.

– Ничего подобного. В милиции я не работаю.

– Но людей разыскиваешь?

– Бывает.

– А деньги тебе нужны?

Мариша ненадолго задумалась. Станный вопрос задала ей бабуля Гоар. Покажите человека, который бы не нуждался в деньгах. Но с какой стати этой армянской бабуле интересоваться ее материальным положением?

– Да как вам сказать... – уклончиво ответила Мариша.

– Все ясно, значит, нужны! Значит, я не ошиблась на твой счет! Ты именно та, кто мне нужен. И это сама судьба привела меня к твоему порогу.

Марише казалось, что если что бабулю и привело к ее порогу, так это сломавшийся лифт и сбившаяся дыхалка. Но спорить с пожилыми людьми Мариша была не приучена. Не потому, что безмерно уважала старость, а просто по опыту знала: бесполезно. Пожилой человек упрямым

как осел. И к тому же обычно имеет в своем распоряжении массу свободного времени, чтобы успеть навязать свою точку зрения всем, кто пожелает вступить с ним в дискуссию.

У самой Мариши не было на то ни сил, ни желания, поэтому она просто кивнула. Судьба так судьба.

– Вот и я говорю о том же! – радостно воскликнула старушка. – Тебе нужны деньги, а мне необходима твоя помощь.

– Я не занимаюсь домашним хозяйством, – поспешно предупредила Мариша и сказала чистую, можно сказать, чистейшую правду.

Домашнее хозяйство и в особенности кулинария – это были моменты, где Мариша откровенно терялась. Котлеты, которые у ее мамы получались кругленькими, пышными и покрытыми румяной корочкой, у нее насмерть прилипали к прославленному тефлону и отдирались от него рваными, некрасивыми кусками. Супы неизменно превращались в каши – либо пересоленные, либо пресные и безвкусные. Каши, в свою очередь, становились похожими на вязкий клейстер и отдавали пригорелым молоком.

А пироги, пирожные, торты, оладьи и блинчики, выходящие из-под рук Мариши, неизменно напоминали изделия резиновой промышленности. Каким-то неведомым образом Мариша, стряпая на своей кухне, умудрилась изобрести секрет изготовления каучука в домашних условиях.

Вот коктейли – это да. Это дело другое. Тут Мариша могла дать фору любому бармену. Ее коктейли неизменно получались легкими, пьянящими и вкусными. И при этом сколько бы их ни выпить, наутро голова не болела. Да не нужно далеко ходить за примером. Вот хотя бы даже лечебный коктейльчик, который соорудила Мариша на скорую руку для Гоар Акоповны, мигом поставил старушку на ноги.

– Нет, нет, ничего такого мне от тебя не нужно, – помотала головой старушка. – С домашним хозяйством сама отлично справляюсь. Мне много не надо. К тому же имею домработницу, которая и заботится о моем быте. У меня к тебе просьба иного рода.

– И какая же?

– Тебе понравится. Ты же любишь приключения?

– Очень!

Это вырвалось у Мариши непроизвольно. Как первый вздох младенца.

– И ты готова уехать за тридевять земель?

– Как раз туда и собираюсь.

Произнося эту фразу, Мариша имела в виду, что они с Юлей через пару дней собирались вылететь в Турцию. Дикарями, не покупая никаких туров. Так как бывали там не один раз, прекрасно ориентировались и хотели жить не в одном отеле, а прокатиться по всей стране, надолго нигде не останавливаясь. Ветер странствий шумел у них в ушах и звал в дорогу.

– Вот и отлично! Значит, ты полетишь в Армению!

– Конечно, мы с подружкой полетим в Тур... Что? Пойдите! В какую Армению?

– На мою родину! Разве я тебе не говорила? Я по происхождению армянка. Конечно, наша семья переселилась в Россию почти пятьдесят лет назад. И сама я лично толком не помню ни Армении, ни родного Еревана. То есть помню, хотя и смутно. Да, наверное, сейчас там вообще все изменилось.

– Конечно, – подтвердила Мариша. – Даже наверняка. Но при чем тут я?

– Меня давно тянуло на родину. Но я все откладывала. Дела да дела. Не до путешествий. А теперь мне и вовсе не потянуть такой перелет. Ты – другое дело. Но ты слетаешь туда за меня.

– Но зачем мне туда лететь?

– Очень просто: ты должна будешь отыскать в Армении моих наследников.

И старушка замолчала, выжидательно глядя на Маришу. Для себя лично она решение уже приняла и, кажется, не сомневалась, что ответ девушки будет положительным. Но вот сама Мариша так вовсе не думала.

– Не понимаю, зачем мне их искать?

– Я уже старый человек. Не за горами то время, когда мне предстоит покинуть этот мир. И я хочу быть уверена, что все накопленные мной и моими предками ценности попадут именно к Назарянам.

– К кому?

– Это фамилия моего отца Акопа – Назарян. И сама я тоже Назарян.

– А что, в Питере его или ваших наследников не осталось?

– Кроме меня – никого, – печально покачала головой старушка. – И не только в Питере, но и во всей России их нет. Если кто и остался, то только в Армении.

Мариша решила пока не уточнять, почему старушка так уверена, что остальная часть ее родни не эмигрировала в свое время из бедной маленькой Армении куда-нибудь, например, в богатую, щедрую Америку. Или же в Канаду, Австралию, да на худой конец – в Европу! Сейчас девушку гораздо больше интересовал другой вопрос:

– И с какой стати вы поручаете это дело мне?

– Ты мне кажешься вполне подходящей кандидатурой. Ты молодая, энергичная и... и самое главное – тебя любит удача.

– Меня? – поразились Мариша. – Удача? Да вы с ума сошли! Вы хоть знаете, что мне тридцать, а я не замужем!

– Но трижды побывала, ведь так?

– Какой прок с трех мужей, если ни одного из них нету рядом?

– Найдется еще! Свято место пусто не бывает.

– Не знаю, – покачала головой Мариша. – Лично я уже разуверилась.

Старуха вперила в нее испытующий взгляд темных глаз.

– Ты не разуверилась, ты просто затосковала, – вынесла она вердикт. – А это дело поправимое. Слетаешь в Армению, развеешься. Если найдешь моих родственников, заплачу тебе пять тысяч. Если нет, все равно оплачу дорогу и все расходы. Так что решайся. Ты же ничего не теряешь.

И как в таком случае отказать человеку? Тем более человеку старому, который возлагает на тебя такие надежды. Да еще только что буквально умирал у тебя на руках.

– Я подумаю, – промямлила Мариша. – А почему вы не хотите поручить это дело нотариусу?

– Тьфу! – скривилась Гоар. – С детства не доверяю крючкотворам. Один из них едва не пустил по миру моего дедушку. Давно это было, верно, но память до сих пор осталась.

– А мне вы доверяете?

– Ты – честный человек. А это дорогого стоит. Кстати, скажу тебе по секрету, хоть и вижу, что ты колеблешься: ты все равно полетишь в Армению.

– Почему? – невольно вырвался у Мариши вопрос.

– Судьбу – ее не обманешь, – спокойно и с какой-то хитрецей в голосе произнесла старуха. – Чему быть, того не миновать.

И Гоар Акоповна посвятила Маришу в детали своего дела.

И то ли старая армянка обладала даром предвидения, то ли тут и впрямь вмешалась Маришина судьба, только вышло все так, как сказала вещунья.

Глава вторая

Впрочем, стоя в аэропорту «Пулково» и сжимая в руках симпатичные конверты с билетами до Турции, подруги еще не подозревали, что их тщательно проработанный маршрут в самые ближайшие минуты кардинально изменится. Юлька весело болтала, прикидывая, достаточно ли она захватила с собой вечерних туалетов, пляжных костюмчиков, сумочек и, что ее беспокоило больше всего, – обуви.

Обувь вообще была Юлькиным пунктиком. Она предпочитала обувь с узкими длинными носами, но уже второй сезон подряд они сдавали и теперь окончательно сдали позиции. И в лидеры выбились круглые носы. С ними Юлька, как ни пыталась, смириться так и не смогла. И потому накупила сразу пять новых пар, надеясь что-то из них выбрать. Пока ей ничего не нравилось. И именно поэтому она взяла все свои обновки с собой. Прошлогодние любимые она тоже прихватила.

В результате у нее получился целый саквояж, забитый одной только обувью. И теперь ее беспокоил вопрос:

– Как думаешь, взять его с собой в качестве ручной клади или сдать в багаж?

Мариша покосилась на подругу. Саквояж выглядел весьма объемным. К тому же из него во все стороны торчали какие-то острые выпуклости. Создавалось впечатление, что обувь в него Юлька упаковала вместе с коробками.

– Разумеется! – воскликнула Юля, даже отчасти оскорбленная. – Без коробок туфли могут помяться!

– Если они тебе так дороги, тащи все в салон самолета.

– А меня пропустят?

– Сдай в багаж.

– Боюсь, с ним будут небрежно обращаться.

– Бери с собой.

– Тяжело. Да и неудобно будет.

Этот разговор до того осточертел Марише, что она воскликнула:

– Нацепи все свои тапки на себя и двигай прямо в них в самолет!

Как ни странно, это предложение заставило Юльку призадуматься.

– Идея, – произнесла она. – Я надену самую дорогую пару, а вторую наденешь ты. И еще две возьмем с собой. А остальные... Бог с ними, пусть летят в багажном отсеке.

– С какой стати я стану надевать твои туфли?

– Не беспокойся, они совершенно новые.

– Я об этом и говорю. Новая обувь – всегда жесткая. Очень надо натирать кровавые мозоли в жарком климате.

– Ты ничего не понимаешь!

– Я понимаю, что в дорогу годятся удобные, растоптанные тапочки. Вот как у меня!

И Мариша выставила ногу, на которой красовалась изящная босоножка на каблук. Ее мягкие, плетенные из черного бархата косички плотно облегли ногу. А дополнительно обувь держалась еще на шелковых ленточках.

– Очень практично, – ехидно заметила Юля, указывая на ленточки.

– Зато они не трут ноги!

– Тут и тереть нечему. Одна подметка и веревочки!

– Ленточки.

– Да какая разница! Снимешь свое греческое великолепие и наденешь вот это!

И Юлька извлекла кожаную туфельку на такой высокой шпильке, что у Мариши свело икры и разболелась голова при одном только взгляде на обувку.

– Знаешь ли... – начала она, готовясь в деликатной форме, но решительно отказаться от выпавшей на ее долю чести, как вдруг рядом с ними раздался хриплый голос:

– Обычное спокойствие, царившее в это время на улицах турецкой столицы, безжалостно нарушено. Люди в панике пытаются укрыться в безопасном месте. Но взрывы гремят один за другим...

– Что такое? – нервно вздрогнула Мариша.

И даже Юлька оторвалась от своих туфель, которые заботливо перебирала, выискивая лучшие, и с изумлением огляделась по сторонам. Оказалось, что хриплый, напугавший подруг мужской голос исходил из радиоприемника, висевшего на груди у одного из туристов.

– Число раненых и пострадавших пока что точно неизвестно. Но уже ясно, что среди них много людей с тяжелыми осколочными ранениями, которые они получили при взрыве припаркованного у здания торгового комплекса автомобиля.

– Ой! – пискнула Юля. – Где это? Откуда это передают? Из Турции? Мне что-то расхотелось туда лететь!

– Чуть! Мы летим не в Анкару.

– Не пора ли властям Турции объявить в стране чрезвычайное положение и ограничить приток туристов, – продолжал тем временем диктор нагнетать панику среди обомлевших пассажиров. – Ведь серия взрывов прокатилась уже и по всем курортам страны. Не станет ли отдых для наших туристов смертельной ловушкой, туром на тот свет?!

– Боже! – ахнула Юлька, едва диктор умолк, пообещав в ближайшее время сообщить точное число пострадавших, раненых и убитых. – Мариша, ты это слышала? Это же про нас! Мы с тобой летим в ад.

– Еще чего придумай.

– Мы летим на тот свет!

Вокруг все заахали, кто-то особо впечатлительный упал в обморок, и ему звали врача, кто-то, бледнея, пил воду, кто-то водку или виски. Но сохранить спокойствие удалось единицам. В числе их оказалась и Мариша. Почему-то ее сообщения о взрывах в Турции ничуть не взволновали. То есть взволновали судьбы пострадавших, но Мариша могла поклясться, что ее лично эта трагедия никак не затронет. Откуда взялась такая уверенность? Этого девушка и сама не могла объяснить. Просто знала, и все.

– Сдаем билеты, – затеребила ее Юлька. – Я не полечу!

– С ума сошла! Мы же собрались!

– Не надо!

– А как же ветер перемен?

– Не хочу умирать!

– Все уже закончилось, – убеждала ее Мариша. – Ты же слышала – волна взрывов прокатилась. Понимаешь? Прокатилась. В прошедшем времени.

– Нет никакой гарантии, что она не покатится вновь, – упиралась Юлька. – Не хочу! Зачем мне нужно весь отпуск трястись от страха! Ты, конечно, как хочешь, а я сдаю билеты!

И она устремилась прочь, позабыв про вещи и даже про сверхценный саквояж с обувью. Марише пришлось собрать разбросанные коробки и утрамбовать их, так как в нормальном виде они помещаться туда не хотели, а когда поместились, выяснилось, что саквояж не закрывается. В результате Мариша разозлилась. И просто плюхнулась на саквояж. Внутри что-то хрустнуло, что-то треснуло и, кажется, сломалось. Но Марише было уже не до Юлькиной обуви, которую та, судя по всему, не собиралась носить. Мариша с треском дернула «молнию», защелкнула замок и поволокла весь багаж к кассам возврата.

Там уже скопилась приличная очередь. Мысль отказаться от полета в Турцию пришла в голову не одной Юльке. Но, благодаря ее оперативности, Юлька находилась в самом начале хвоста. И довольно быстро избавилась от билетов.

– Вот и все! – заявила она, гордо продемонстрировав подруге полученные деньги. – Можем возвращаться домой!

– У меня в голове все звенит. Давай хотя бы кофейку выпьем.

Кофе подруги выпили. И не по одной чашке. И сдобрили его изрядным количеством коньяка, захваченного из дома. Коньяк был армянский. И это навело Маришу на одну мысль:

– А что, если мы полетим в другое место? – спросила она, искоса взглянув на подругу. – Что скажешь?

Юлька уже изрядно надегустировалась коньяка и теперь снова была готова к приключениям.

– Если я вернусь домой, то придется забрать Нику.

Никой звали таксу. Она жила у Юльки уже пять лет. Была существом мелким, кривоногим, преданным и до ужаса прожорливым. Еще в младенческом возрасте она с жадностью пожирала домашние тапочки, которые превосходили ее размерами вдвое, целиком и даже вместе с помпонами, если таковые имелись. А когда подросла, перешла на раздельное питание. Сухой корм из пакетов и питание с хозяйского стола и из хозяйского же холодильника.

– А в этот раз мама не хотела ее брать, – жаловалась Юля. – Не может забыть съеденные в прошлом году гардины.

– И как же ты уговорила маму?

– А никак. Сунула Нику в переноску. А переноску поставила перед дверями родительской квартиры. Потом позвонила в дверь. И смылась.

– И они тебе не звонили?

– Раз двадцать пытались. Но я не брала трубку.

– А сообщения не присылали?

– Присылали. Только тебе их лучше не читать.

Представив себе, в какой ярости сейчас пребывает Юлькина мама, Мариша содрогнулась. Ей-то пристроить своих питомцев – кошку Дину и ее великовозрастную дочь Даньку – большого труда не составило. Маришина мама была в этом отношении человеком терпеливым. Одной или двумя животинами больше, это ей настроения не портило. Ворон Вася, дворняги Белка со Стрелкой и неопознанное экзотическое животное, названия которого не было ни в одном зоологическом атласе, чувствовали себя у нее дома одинаково комфортно. И Маришину коллекцию кактусов, к которым дочь воспылала нежной любовью год назад, Тамара Ильинична согласилась поливать без проблем ровно раз в две недели. Но вот Юлина мама... Юлина мама была совсем другой. В гневе она была страшна. Все сто пятьдесят ее килограммов.

– Значит, домой ты вернуться не можешь? – догадалась Мариша.

– Верно.

– Тогда полетим хоть куда-нибудь?

– Если там ничего не взрывается и тепло, то, в принципе, я согласна, – заявила Юля, допивая коньяк.

При этом ее взгляд упал на саквояж с туфлями. Что-то ей в его внешнем виде не понравилось. Юлька громко ахнула и принялась снова распаковывать его. Понимая, что сейчас подруга обнаружит ущерб, нанесенный ее обуви, Мариша поторопилась слить.

– Так я пойду за билетами? – спросила она. – Да?

Юлька молча кивнула, все еще возясь с «молнией» на саквояже. Мариша, оказавшись возле табло, принялась изучать расписание. По всему выходило, что ближайший рейс будет в Адлер. Спору нет, там было тепло и море. Но вот билетов на этот рейс в кассе не оказалось.

– А куда летит следующий рейс?

– В Барнаул.

Нет, туда Марише не хотелось. Далекое и дорогое.

– А еще куда?

– В Ереван.

– Наверное, виза нужна? – предположила Мариша.

Но кассирша ее удивила:

– У нас с Арменией двустороннее соглашение. Никакой визы не требуется. Покупайте билеты – и вперед.

– И места есть?

– Сколько угодно. Хотите у окошка?

Вот так и получилось, что старая Гоар Акоповна оказалась права. Сама толком не понимая, что делает, Мариша приобрела два билета до Еревана. И только после этого опомнилась: куда они летят? Зачем? Кто их там встретит? Где они будут жить?

Все эти вопросы Юлька задала подруге, едва та появилась и сообщила, что планы изменились. И они летят не отдыхать и не в Турцию, а работать и в Армению.

– Что мы там с тобой забыли? – возмутилась Юля, застыв с туфлей в руках.

Туфля была та самая, которую она пыталась навязать Марише. На огромной шпильке. Впрочем, к радости Мариши, шпилька в настоящее время была отломана. И держалась на одном тонком лоскуте кожи.

– В Армении очень красиво, – с трудом сдерживая радость оттого, что ей не придется носить эти пыточные колодки, произнесла Мариша. – Древняя архитектура и всякие исторические ценности.

Юлька выразилась об архитектурных развалинах весьма красноречиво. Но это Маришу не остановило.

– А еще мы поможем одной моей знакомой отыскать ее наследников.

Юлька и про наследников выразилась не менее пышно.

– Увидим новые места, горы, озеро Севан.

Севану можно было позавидовать. Упоминание о нем вызвало у Юльки просто фонтан красноречия.

– Горы Арарат увидим, – пустила Мариша в ход последний козырь.

– И что там с ней? С этой горой?

– Это гора, к которой Ной в своем ковчеге причалил.

– Кто это? – заинтересовалась Юлька. – Ах да! Но он же давно умер! А я не люблю все такое древнее!

В этом подруги были не похожи. Маришу как раз интересовали древности. И особенно древние тайны, предания и легенды.

– В общем, если не хочешь, то сдадим билеты, – покорила она.

Но Юлька неожиданно снова запротестовала:

– Ни за что! Это сколько же денег мы уже потеряли на страховых взносах, покупая и продавая билеты? И теперь еще потеряем? Нет! Летим! Когда регистрация?

Регистрация начиналась только через час. И этот час Марише пришлось провести, объясняя Юльке, каким образом ее новые туфли лишились каблука. И утешая подругу, она попутно объясняла, какие выгоды сулит им это путешествие.

– Я что-то не поняла, эта твоя Гоар Акоповна – она что, богата?

– Раз поклялась заплатить пять тысяч долларов только за то, чтобы мы нашли ее наследников, значит, не бедная.

– И откуда богатство?

– От отца.

– А у него?

– Заработал, наверное.

– Ну да, – хмыкнула Юлька. – Заработал. Конечно.

– Какая тебе разница, откуда у старухи деньги? Она хочет отдать их наследникам. И просит нас найти оных.

– Почему мы?

– Так уж получилось, – туманно высказалась Мариша, сама толком не понимая, как именно так получилось.

К счастью, Юлька не стала заикливаться на этом вопросе.

– Ну и как мы станем их искать?

– Не беспокойся. Старушка мне все подробно рассказала про свою родню.

– Когда это?

– Когда мы познакомились. Часа три ее из дома выставить не могла. А потом еще к ней пошли. И там она заставила меня буквально каждое слово записать. Потом еще снабдила кучей старых документов и фотографий.

– И что?

– По ним-то мы живо и разыщем ее наследников.

– И где этот старушкин архив находится сейчас? – спросила бдительная Юля.

– Тут, – похлопала Мариша по своей объемистой торбе.

– Ты их прихватила с собой в Турцию?

– Ну да.

– Зачем? – вытаращила глаза Юля.

– А что такого? Делать нам там было бы все равно нечего. Турция вся давным-давно обсижена российскими туристами, как рахат-лукум мухами в уличной лавочке. Вот на досуге я и развлекалась бы, сортируя старухины документы. Ей польза, мне развлечение.

Юлька покачала головой. Нет, все равно кое-что ее в этой истории продолжало тревожить. Что же именно? Ах да!

– А деньги? – воскликнула она. – наших денег хватит на то, чтобы вести розыски?

– Не беспокойся. Акоповна сказала, что сейчас в Армении все очень дешево. Раза в два дешевле, чем в Питере. Так что наших денег на первое время хватит. А уже завтра, когда мы поселимся в гостинице, наша клиентка переведет на наше имя две тысячи долларов. На расходы, питание и дорогу. Она так обещала.

– Две тысячи долларов – это только на самолет туда и обратно, – быстро подсчитала Юлька. – Билет на двоих стоит двадцать четыре тысячи – это почти девятьсот долларов. Что же нам остается на жизнь?

– Не беспокойся, когда придет время лететь обратно, она еще вышлет.

Юля не стала спорить. Но все же не удержалась и заметила, что опыт и работа с людьми ее многому научили. И она теперь всегда предпочитает наличные деньги и выплаченные, так сказать, авансом.

Ереван встретил подруг душной жарой. Сразу было видно, что они прибыли на юг. После летнего поля подруги ненадолго попали в кондиционированную прохладу аэропорта.

– Уф! – выдохнула Юлька. – Скорей бы уж получить багаж и сменить туфли.

Она последовала Маришину совету. И втиснулась в одну из новых пар. Это были очень узкие лодочки с украшенным серебряными монетками тупым круглым носом, при одном взгляде на которые у Мариши болезненно сжималось сердце за состояние пальцев подруги. Вторая пара обуви была не лучше: босоножки из прозрачных стеклышек, нанизанных на прозрачный силикон. Он отлично тянулся и еще лучше впивался в кожу ноги. Так что у Юльки оказались сначала стертые тесными лодочками пальцы ног, а потом от силиконовых стяжек образовались ссадины на лодыжках.

Сделав несколько шагов, Юлька жалобно застонала.

– Как больно! – закусила она губу, и на глаза у нее навернулись слезы.

- Сними обувьку.
- Ты с ума сошла?
- Иди босиком. Тут вроде бы чисто.

И в самом деле пол зала ожидания аэропорта был чисто вымыт. Юлька колебалась недолго. Скинув проклятые пыточные орудия, она с наслаждением ступила на прохладный камень пола.

- О-о-о! – вырвалось у нее. – Какое блаженство!

Граждане с изумлением поглядывали на странную босоногую девушку, которая шествовала по залу аэропорта, прижимая к груди сразу две пары обуви. Особенно внимательно за Юлькой следила группа молодых жгучих брюнетов. Впрочем, за редким исключением, тут других и не было. Черноглазые смуглые брюнетки и брюнеты шагали со всех сторон. Бежали их такие же чернявые детишки и шагали благообразные смуглые старички и старушки.

– Эй, красавица! – подал голос один из мужчин. – Куда босиком бежишь? И не жалко тебе свои ножки? Хочешь, на руках понесу?

И показывая, что слова у него не расходятся с делом, молодой нахал вышел вперед, загрохав Юльке дорогу и поигрывая мышцами, которые выразительно ходили у него под тонкой тканью его трикотажной майки.

- Куда нести? – веселился нахал.

Но веселье его длилось недолго.

– Меня не надо, – отказалась Юля от услуг. – А вот моя подруга в самом деле притомилась. Ее и понеси.

И она указала на Маришу. Та подхватила шутку. И радостно закивала в ответ и, раздвинув плечи, выдвинулась вперед. Молодой человек смерил взглядом Маришину фигуру. Что-то прикинул. И восхищение в его взгляде сменилось чем-то похожим на смущение.

Парня можно было понять. В Марише при ее росте сто восемьдесят сантиметров было почти восемьдесят килограммов живого веса. Впрочем, размещался он равномерно и в правильных местах. Так что общее впечатление создавалось весьма привлекательное. Толстой Маришу язык не повернулся бы назвать. Она была соблазнительна в любое время дня, года и душевного расположения. Однако носить ее на руках было не так просто. Во всяком случае, этот парень не рискнул. И смущенно отступил.

– И все равно местные жители меня приятно радуют, – веселилась Юлька, шлепая босыми ступнями дальше. – Первые же, кто с нами заговорил, предложили носить нас на руках.

Мариша тоже была согласна, что это куда приятней, чем если бы им предложили прогуляться до ближайших уединенных кустиков. Что ни говори, армянский народ насчитывал тысячелетнюю культуру. И в галантности, всем известно, армянские мужчины не уступают даже французам.

Но вот дальнейшая армянская действительность нанесла подругам жестокий удар. И основная его сила пришлась по Юле. Подруги протиснулись сквозь плотные ряды остальных пассажиров своего самолета и вместе со всеми утащились на длинную резиновую ленту транспортера. На нем медленно двигались чемоданы и сумки пассажиров, которые они доверчиво сдали в багаж.

Юлькин чемодан они увидели сразу. Он был большой, красной кожи и украшен многочисленными наклейками. Так что не заметить его мог разве что слепой. Маришину дорожную сумку на колесиках после непродолжительной борьбы удалось отбить у какой-то пожилой четы, которая вознамерилась присвоить, приняв ее за свою, невзирая на прикрепленный к ручке ярлык с номером. Признав ошибку, супруги долго и горячо извинялись перед Маришей. Многократно повторили, что были не правы. Представились по имени и отчеству, показали фотографии детей и внуков, рассказали о своей работе. И даже пригласили подруг к себе в гости. Правда, адреса не оставили.

За это время все вещи успели совершить по три, а то и четыре круга. Постепенно пассажиры их разобрали. И резиновая лента опустела.

– Ничего не понимаю, – пожалала плечами Юлька. – Вещи больше не выдают.

– Кончились, – подтвердила Мариша.

– А где же мой саквояж? С обувью?

Но если Юля еще не поняла всей страшной правды, то до Мариши она дошла куда быстрее. И она даже побледнела, представив себе, что сейчас начнется. Но действительность превзошла все самые худшие Маришины ожидания. Переговорив со служащими аэропорта и уяснив, что ее новые туфли отправились в самостоятельное путешествие с неопределенным пунктом назначения, Юлька расстроилась. А расстроенная Юлька – это было зрелище не для слабонервных.

Раздув ноздри, красная, злая и босая Юлька наступала на виновников происшествия.

– По-вашему, это смешно? По-вашему, я могу ходить без обуви?

– Девушка, вот же у вас с собой целых две пары. Вам хватит, пока найдется ваш багаж с остальной вашей обувью.

Но Юлька не унималась. Ее даже не успокаивала мысль о том, что скорей всего виноваты сотрудники Пулково. А в Ереван их самолет прибыл уже без ее набитого обувью саквояжа.

– Я требую компенсации. Моральной в том числе. Боже мой, я осталась босая!

– Что вы так убиваетесь? – пытались утешить ее служащие. – Наоборот, радуйтесь! Вы же в Армении! А тут каждый второй если сам не умеет шить сапоги, то обязательно имеет друга сапожника.

– Не буду я носить вашу обувь! Я ношу только Италию! Или на худой конец Францию или Португалию. Но только не армянский ширпотреб. Вот еще!

И Юлька брезгливо сморщила носик. Покачав головами, служащие принялись заполнять различные бумажки, фиксируя факт пропажи одного багажного места. На это ушла масса времени. Мариша томилась в ожидании. Да еще Юлька, вконец разъяренная предложением обуться в армянские туфли, сопровождала каждое движение служащих своими весьма ехидными комментариями.

Но в конце концов все кончается. Закончился и этот кошмар. С облегчением вздохнув, Мариша потащила подругу к стоянке такси. Тут Юльке снова пришлось надеть свои босоножки. И настроения это ей, надо заметить, не улучшило. Ходить нормально в этой обуви она не могла. И потому ковляла, осторожно переставляя ноги, словно на ходулях.

Даже шофер такси заинтересовался:

– Что это с вашей подругой? – спросил он у Мариши. – Она больная?

– На голову, – сердито подтвердила Мариша, пользуясь тем, что Юлька со своими проклятыми туфлями замешкалась на улице и в машину пока не села.

Шофер озабоченно поцокал языком, выражая свое сочувствие.

– К доктору ее везешь? – внезапно перешел он с Маришей на «ты», явно считая, что теперь у них есть общая тайна и, следовательно, он может себе позволить такую фамильярность.

– Такое не лечится!

– У моего отца брат есть, такое несчастье, совсем дурачок. На голову слаб. Двадцать лет было парню, а он ни читать, ни писать – ни бельмеса. Вообще ничего не соображал. Только за девками гоняться целыми днями был готов.

– Вполне нормальное поведение для мужчины, – прокомментировала Мариша. – Не так уж ваш родственник и болен был.

– Так он еще и говорить не хотел. Мычал только. И слюни пускал. Как мы с ним намучились, и не передать. А потом отец его к одной знахарке сводил. И вылечила она его.

– Читать научила? – ехидно поинтересовалась Мариша.

– Не-а! Читать он так и не умеет. Да на фига ему книги, коли он в деревне живет. Кроме коров и коз вокруг ничего не знает.

– Как же она помогла вам?

– А женила его. На дочке своей женила. Та была такая же придурочная. А вместе прекрасной парой оказались. Друг в друге души не чают. И прекрасно без слов обходятся.

– И к чему вы это говорите? – удивилась Мариша.

– Твоя подруга ведь тоже не замужем?

– Ну, вроде как.

– Вот от этого и все беды. Когда женщина одна живет, без мужчины, ей в голову разные дурные мысли лезут. Да так густо, что для разума там места уже не остается.

В это время Юлька, которая покупала в ларьке минералку, наконец забралась в машину. И шофер примолк.

– Не хотели продавать! – возмутилась Юля. – Давайте, говорят, деньги.

– А ты им что предлагала?

– Десять долларов дала. У них глаза, вижу, загорелись. Но врут, что это не деньги! Каково, а? Они тут что, все поголовно ненормальные? То туфли мои сперли. Теперь доллары им не деньги!

Мариша покачала головой:

– Наверное, они имели в виду местную валюту.

– А где мне ее взять? У меня ее нет!

– Обменяем.

Шофер оказался покладистым малым. Он привез девушек в обменник с самым лучшим курсом. И, обменяв всего сто долларов, подруги разбогатели на целых тридцать пять тысяч драм. Увидев такое богатство, даже Юлька повеселела.

– Приятно чувствовать себя богатым человеком, – с интересом похрустев полученной в обменнике новенькой бумажкой, сказала она. – Ладно, черт с ними с туфлями. Может быть, это и в самом деле к лучшему, что они потерялись. Носить я их все равно не могла.

– К тому же тут полно магазинов и лавочек с обувью.

– Отдохну немного и сразу же займусь шопингом, – с увлечением сообщила Юля. – Как думаешь, Гоар Акоповна оплатит эти покупки?

– Она все-таки женщина. И должна понимать, какой стресс тебе пришлось пережить, потеряв целую коллекцию обуви. Думаю, что оплатит.

Поселились подруги в гостинице «Ереван».

– А чего напрасно выпендриваться? – пожалала плечами Юля, когда шофер предложил на выбор еще несколько звучных названий. – Мы их даже запомнить вряд ли сумеем. А так «Ереван», и все. Уж не заблудимся. Живем в «Ереване», и точка.

Номер подругам понравился. Из предметов роскоши тут были холодильник и душ. Телевизор, фен и прочие блага цивилизации можно было взять за отдельную плату. Но пока что подругам было достаточно душа, куда они по очереди влезли. А потом отправились поесть в ближайший ресторан.

– И когда мы займемся нашими поисками? – набив рот долмой – голубцами, начинка которых была завернута не в капустные, а в виноградные листья, – спросила Юля у подруги.

– Завтра. А сегодня у нас в программе отдых и развлечения.

– И шопинг!

– Его я и имела в виду.

В общем, свой первый вечер на армянской земле подруги провели приятно. Быстро обнаружилось, что армянские мужчины ценят красоту русских девушек ничуть не меньше, чем турки, в чьи гостеприимные объятия вполне могли угодить подруги, если бы долетели до Тур-

ции. Подругам поступило не меньше семи предложений – познакомиться, сходить в ресторан, в кафе, прогуляться по парку. А один оригинал даже позвал подруг с собой на охоту.

– Но в целом они все милые и ведут себя галантно, – одобрила Юлька поведение армянских мужчин.

Обувь она тоже оценила. При всей ее капризности ей не пришлось долго ходить по магазинам. В первых же трех обувных магазинах она приобрела приглянувшиеся ей туфельки. Они опять же были на огромных шпильках, но, в отличие от предыдущей испорченной пары, в них можно было стоять и даже двигаться, не рискуя каждую минуту потерять равновесие, свалиться и расквасить себе нос или коленку.

– Отличная колодка у этой обуви! – восхищалась Юля, обнаружив эту находку. – А чья фирма?

– Не знаю, – меланхолично отозвалась усатая девица, торговавшая в лавке. – Моя мама дома делает.

– Молодец твоя мама, – одобрила Юля.

И приобрела еще две пары босоножек той же фирмы «От мамы».

– А что такого? Звучит ничем не хуже, чем «Гуччи» или «Габана».

Мариша была того же мнения. Кожа у этих туфель была изумительно мягкая, словно шелк, и даже на ощупь было приятно, какая она прочная и в то же время податливая.

В следующих магазинах были куплены крепкие полуспортивные туфли с толстой подошвой, которая годилась для каменистых сельских дорог. И совсем открытые сабо на плотной платформе, в которых было удобно перемещаться по дому.

– Теперь я снова довольна жизнью! – оповестила Юлька подругу и весь окружающий мир.

Мариша сумела лишь кивнуть в ответ. Ее тянуло в сон. Долгий перелет утомил ее. И сейчас ей хотелось только одного – принять горизонтальное положение и уснуть. Однако у Юльки, как оказалось, были совершенно другие планы на сегодняшний вечер.

– Ты что?! – укоризненно воскликнула она. – Какое спать? Мы приехали отдыхать и развлекаться! Спать будешь, когда замуж выйдешь!

Маришин богатый опыт подсказывал, что тогда-то как раз и не поспишь вволю. Но она промолчала. И Юлька продолжала строить планы на оставшуюся часть вечера. Впрочем, ее запала хватило только до полуночи. И то не на дискотеке, а опять же в ближайшем к гостинице ресторане, где играла живая музыка. Но тут было на что посмотреть. По залу то медленно плыли влюбленные пары, томно улыбаясь друг другу и двигаясь в такт романтической мелодии, то звучала зажигательная народная музыка, под которую пускались в пляс все посетители ресторана от мала до велика.

Опять же от недостатка мужского внимания подруги не страдали. Возле них быстро образовалась компания из вполне симпатичных пяти мужчин, собравшихся отпраздновать чей-то день рождения. Чей именно, подруги так и не поняли. Им мужчины казались все на одно лицо. Но после полуночи Юлька начала откровенно зевать. И призналась, что, пожалуй, переоценила свои возможности.

– Видимо, я серьезно больна! – посетовала Юля. – Это надо же, чтобы я отправлялась спать, когда нет еще и часа ночи!

– Кошмар!

– Учти, из общества, где я окружена страстно влюбленными в меня мужчинами!

– Ужас!

– От мужчин, которые через одного зовут меня замуж!

– Просто катастрофа!

Однако, как ни силились подруги, никакого желания продолжить веселье или прямо тут же выйти замуж они не испытывали. Видимо, болезнь в самом деле посетила их. И они, оставив своих кавалеров страшно разочарованными, но не смирившимися, пошлепали в свой номер,

где наконец-то вздохнули с облегчением и, немного поболтав о пустяках и похихикав, улеглись в постели и быстро уснули.

Глава третья

Утро пришло вместе с ярким солнечным светом, который слепил глаза и поднимал настроение. В Питере подобной погоды не наблюдалось уже давно. И как ни странно, ведь Мариша не только замуж еще не вышла, но даже и достойного кандидата себе не присмотрела, а проснулась и поднялась с постели легко, без малейших усилий. Выспалась она тоже отлично. И впервые за долгое время чувствовала себя бодрой и полной жизненных сил и энергии.

– Юлька! – затеребила она подругу. – Юлька, вставай! Труба зовет!

– Какая еще труба? – недовольно проворчала подруга.

– Походная труба! Мы выступаем.

– Не выдумывай! – отозвалась прозаичная Юлька. – Это холодильник рычит. Выдерни шнур!

– Очнись! Мы должны начать поиски наследников старушки Гоар Акоповны! Она на нас надеется!

– Никогда не начинаю процесс, не получив аванса, – проворчала Юлька, накрывшись с головой одеялом, чтобы спрятаться одновременно от солнечных лучей и неумемной активности подруги.

– Не хочешь, пойду одна! – обиделась Мариша. И в самом деле ушла.

Юлька подняла уголок одеяла и посмотрела вслед подруге.

– Надо же, вчера едва ноги передвигала, а сегодня вдруг такая прыть!

Юлька попыталась представить, что и она сейчас так же бодро вскакивает и принимается за дела. Но от одной только мысли об этом ей стало до того тошно, что она со стоном заползла обратно под одеяло. И затихла там. Нет, ее выздоровление двигалось не такими быстрыми темпами.

А Мариша торопливо двигалась в сторону городского архива. Именно там ей посоветовала Гоар начать поиски семьи Назарянов. Хотя сама она считала, что в качестве места, откуда бы ей следовало стартовать, был адрес одного дома на улице Амиряна. Эта улица была главной в Ереване. И вела к площади Республики, опять же главной площади столицы Армении.

По тому адресу, который имелся у Мариши, еще пятьдесят лет назад проживала дружная семья Назарянов и старший брат старушки Гоар Акоповны – Назар. Это имя было семейным и доставалось старшему в роду мальчику. С Назаром проживала и его семья – жена и трое детей.

– Есть и моя вина в том, что мы растерялись. Пятьдесят лет, с тех пор как я с родителями переехала в Питер, я родне своей не писала, не звонила и ничего о них не слышала, – вспоминала Мариша слова старухи, покачиваясь в маршрутном такси, которое везло ее к дому. – А теперь спохватилась, старость пришла, наследников нет, вот и обратилась к брату. Пусть, думала, он и его дети приедут ко мне. Хочу перед смертью видеть вокруг себя родные лица.

– И что? Не получилось?

– Все мои письма пришли с пометкой, что такой адресат не значится.

– Они переехали?

– Видимо. В любом случае, я должна знать, что случилось с моими родственниками. Возможно, мой брат уже умер. Он ведь старше меня десятью годами. Но его дети и дети их детей – они должны жить в городе, ведь верно?

– А как вышло, что вы с родителями перебрались в Питер, а ваш брат остался в Ереване?

Но на этот, казалось бы, такой простой вопрос Гоар Акоповна не нашлась что ответить. Это было довольно странно. Но в тот момент Мариша не придавала этому факту такого большого значения, какого он, без сомнения, заслуживал.

– Девушка, – услышала она обращенный к ней гортанный голос водителя, – выходи. Приехала!

Поблагодарив, Мариша поспешно выбралась из машины и огляделась по сторонам. Так, вот этот дом. Во всяком случае, номер на нем значился именно тот, что и в адресах на письмах Гоар Акоповны. Вот только выглядел дом значительно моложе, чем тот, где, по описанию Гоар Акоповны, проживала ее семья. Старуха рассказывала про старое, ветхое жилье с протянутыми через двор веревками, на которых сушили белье домашние хозяйки. С оплетенным виноградом внутренним двориком, где играли в камешки все дети. И длинных балконов, которые шли по тенистой внутренней стороне дома, на этом строении не было.

В этом доме балконы действительно имелись. Но шли они по его парадной стене. По ним особо не побегать. Обычный дом постройки конца пятидесятих годов. С толстыми стенами, высокими узкими окнами, массивными колоннами и даже гербы Советского Союза кое-где сохранились на фасаде.

– Черт возьми, – прошептала Мариша, осознавая, что старого дома просто нет, а на его месте стоит этот каменный монстр. – Похоже, домик-то снесли!

Так оно и оказалось. Мариша прошла во двор. И, обнаружив на лавочке несколько седовласых старичков, тут же под села к ним. Они не возражали. В конце концов, они были мужчинами, пусть и сгорбленными годами и с палочками. Но горячая южная кровь давала о себе знать. И они с удовольствием поболтали с рыжей красавицей и дали Марише подробный отчет о судьбе своего дома.

Да, новый дом был построен на месте снесенного старого. Но куда делись прежние жильцы, никто из старичков не знал. Все они поселились в новостройке значительно позднее. И о прежних жильцах ничего не слышали.

– Наверное, тех людей расселили в другие дома, – предположил один из старичков.

Остальные с жаром закивали седыми головами. Увы, Мариша и без них могла бы сделать такой же вывод. Тут не нужна была помощь старичков. Вот досада! Если бы на месте этих дедуль сидели их бабули, они бы (Мариша была уверена в этом на все двести процентов) уж нашли, что рассказать девушке. Но армянские бабушки, кажется, не имели обыкновения сидеть на лавочке и бить баклуши. Эта привилегия досталась местным мужчинам. И потому, попросившись с любезными, но совершенно бесполезными в ее поисках дедушками, Мариша отправилась туда, куда вначале и собиралась. В городской архив.

Тут она провела почти три часа, бегая из одного кабинета в другой и прорываясь сквозь кордоны очередей, преодолевая препоны в виде обедающих инспекторов и мужественно руша языковой барьер. Почему-то государственные служащие возымели дружное желание говорить с Маришей по-армянски. Естественно, общение срывалось в самом начале.

Впрочем, пару фраз Мариша знала.

– Бари луис, – говорила она вначале, что означало «доброе утро».

Время шло, и она стала говорить:

– Бари ор – добрый день!

А когда возникли опасения, что вскоре ей придется говорить: «Бари ереко – добрый вечер», Мариша закручинилась. Несмотря на то что служащие благосклонно переходили на русский язык, едва поняв, что их посетительница по-армянски дальше приветствия ни бумбум, Марише так ничего и не удалось выяснить про судьбу Назарянов. Разные кабинеты просто отфутболивали ее по кругу.

А когда она снова оказалась на пороге того, с которого начала свой путь, и поняла, что круг замкнулся, она в тоске отправилась в небольшое кафе, где в порыве отчаяния заказала полбутылки гранатового вина и принялась его дегустировать.

– Что делает такая очаровательная девушка одна в компании всего лишь бутылки вина?

Мариша подняла глаза и без всякого удивления обнаружила возле своего столика жгучего брюнета. Мимходом подумала, как в мире все относительно. В Питере она бы расцвела от радости, что на нее обратил внимание такой красавец, а тут ей было решительно наплевать

на него. За день она успела столкнуться чуть ли не с сотней таких же жгучих красавцев и порядком утомиться от них. Поэтому Мариша жестом показала, чтобы брюнет проваливал.

Но тот оказался не робкого десятка. А попросту говоря – нахал. И все равно подсел за ее столик.

– Вижу, вы совсем печальны. В чем проблема?

То ли вино оказалось куда пьяней, чем предполагала Мариша, то ли аура красавца невольно все же подействовала на нее, но Мариша, сама того не желая, открыла рот и вывалила на подсевшего к ней мужчину все свои проблемы.

– Так вам вовсе не в архив нужно! – воскликнул тот. – А в бюро городской архитектуры и градостроительства.

– Да? – удивилась Мариша. – А такое есть?

– Есть. И могу вас туда отвезти. Хотите?

Еще бы Мариша не хотела. Залпом допив оставшиеся в бокале пару глотков вина, Мариша вскочила на ноги и выразила готовность ехать.

У мужчины оказалась вполне приличная «Ауди». Не слишком новая, но еще вполне крепкая и чистая как изнутри, так и снаружи. Нового знакомого звали Тигран. И он оказался добрейшей души человеком, вызвавшимся помочь Марише просто из одного чувства сострадания. Во всяком случае, доставив ее до бюро, он куда-то бесследно испарился, не предприняв никаких попыток к дальнейшему сближению.

В бюро, куда доставил ее добрый ереванец, Мариша выяснила следующее. Снесенный дом был уничтожен как не представляющий никакой архитектурной ценности. А обитавшие в нем семьи расселены в новостройках. Их адреса должны были находиться в отделе распределения жилых фондов.

К счастью, нужный отдел находился в том же здании, только со входом с другой стороны. Туда распаленная жарой и беготней Мариша попала перед самым закрытием. И с чистым сердцем смогла брякнуть:

– Бари ереко! Добрый вечер!

И тут же плюхнулась на жесткий деревянный стул. Но сейчас она была довольна и им. Ноги ее уже совершенно не держали. И, о радость, из рук милой, приветливо улыбающейся девушки она получила вожденный адрес, по которому почти пятьдесят лет назад переселилась семья Назарянов. С чувством выполненного долга она отправилась в гостиницу, чтобы смыть с себя пот и пыль после трудов праведных.

Юлька сидела в номере и с аппетитом поела абрикосы и ранние персики.

– Попробуй, какая вкуснятина! – бросилась она к подруге с нежным плодом в руках, едва та переступила порог. – Просто восхитительно!

– Ты была на рынке? – догадалась Мариша, отправляя в рот абрикос, который в самом деле оказался необычайно нежным, ароматным и вкусным. – М-м-м! Восхитительно. А что еще ты делала?

– Перебирала твои фотографии.

– Мои?

– Ну, фотографии, которые дала тебе старуха Акоповна.

– И что?

– У нее был весьма симпатичный старший брат.

– И это все, что тебе удалось узнать?

– А чего ты хотела? Трубка твоя в Армении не берет. Я проснулась днем, тебя нет. Звонила тебе, звонила. Все без толку.

Мариша растерялась. Почему это ее трубка не работает?

– Ах, проклятый склероз! – вырвалось у нее. – Я же ее вчера не зарядила.

Юлька удовлетворенно кивнула и сунула в рот еще один абрикос.

– И пришлось мне целый день прохлаждаться.

– Что делала?

– Гуляла по улицам. Заглянула на базар. Познакомилась с кучей симпатичных мужчин.

А у тебя как успехи?

Вместо ответа Мариша прошлепала в душ. И, включив прохладную воду, встала под нежные струйки. Это было блаженство! Марише казалось, что ее кожа даже зашипела, когда на нее попали первые капли. Охладившись, освежившись и подобрев, Мариша выбралась из ванной комнаты. И сказала:

– Собирайся. Поехали.

– Куда?

– Во-первых, покушаем. Я зверски голодна. Во-вторых, купим местные «симки», чтобы не бояться потратить много денег на разговоры между собой. А в-третьих, я нашла адрес, где живут Назаряны.

– Ура!!! – заорала Юлька, моментально спрыгивая с кровати и бросаясь к шкафу, в котором она уже развесила все свои наряды. – Что мне надеть по такому случаю? Платье на бретельках? Или вот эту юбку с шелковой майкой?

На взгляд Мариши, оба туалета были чересчур открытыми. Платье держалось лишь на двух жалких ленточках, которые в любой момент могли развязаться, и Юлька оказалась бы совершенно голой. Нижнего белья это платье под собой не подразумевало. Юбка была приличной длины, но вот ее подол был украшен неровными прорезями, через которые Юлькины ноги и все остальное просматривалось совершенно отчетливо. Про шелковую маечку даже и говорить нечего. Она была откровенно неприличной и открывала куда больше, чем скрывала.

– Надень бриджи и топик, – решила наконец Мариша.

– Фу-у! – протянула Юлька. – Они совсем простенькие!

– Ничего не простенькие! На бриджах красивые кружавчики, а топик с цветочками.

– Но никакой изысканности. Тут все так ходят!

– Вот именно поэтому и ты надень! Совсем не нужно сражать Назарянов своим внешним видом. Они и так будут в шоке от нашего появления.

Но оказалось, что до этого еще далеко. Когда подруги прибыли на такси к нужному дому, у них зародилось определенное сомнение. Это была хрущевка, вполне приличная, увитая зеленью, с хорошеньким двориком. Все могло сойтись. Только вот в нужной им квартире никто не жил.

– Уехали они, – сообщила горбоносая старуха, выглянувшая из соседней двери. – К морю подались.

– Всей семьей?

– Да какая у них семья? – фыркнула эта бабка. – Муж да его молодая. Вот и вся их семья. Потомством не обзавелись. А чего? Пока детей нет, хлопот тоже никаких. Вот и катаются.

– Погодите, а как же старый Назарян?

– Кто?

– Назар Назарян, – повторила Мариша. – Он получил эту квартиру сорок пять лет назад.

– Может быть, тогда он тут и жил, – пожала плечами старуха. – А теперь тут другие люди живут!

– А вы сами?

– Что?

– Вы тут давно живете?

– Лет десять. А что?

– Не подскажите, есть тут старожилы?

– Кто?

– Ну, люди, которые живут в этом доме с самого первого дня.

Старуха задумалась.

– Идите в семьдесят вторую квартиру, – сказала она наконец. – Там Соломоновна живет. Она вечно во дворе трещит, что всех тут знает. Не женщина, а сорока! Может быть, она вам поможет.

Соломоновна оказалась жилистой сухой бабкой с пронзительными недобрыми глазками.

– Это какие же Назаряны? Уж не те ли самые, у которых сын – убийца?

Этой информацией подруги не владели. Но с интересом согласились выслушать старуху по поводу убийцы Назаряна. А той только того и надо было. Верно охарактеризовала ее первая соседка. Соломоновна была заядлая сплетница. И хранила в своей порядком облысевшей голове много совершенно бесполезного хлама, в числе которого обнаружилась и трагическая история семьи Назарянов.

Верней сказать, трагедия касалась только младшего сына дяди Назара. И старой Аковне этот молодой на тот момент человек приходился родным племянником. Юношу звали Эмин. И был он тихим и незаметным. Личность его на фоне старшего брата – отличника, активиста и комсомольца, лидера одним словом, – совершенно терялась. В общем, до восемнадцати лет об Эмине можно было сказать только то, что он сын Назара – ударника производства и брат Назара – комсорга школы.

– Мы долго не могли поверить, что парень способен на такое злодейство, – говорила Соломоновна, закатывая свои словно бы выцветшие от яркого солнца желтоватые глаза.

Злодейство, по ее словам, заключалось в том, что юноша убил свою сокурницу. Во всяком случае, его в этом обвинили. Он отрицать не стал. И угодил за решетку на долгие восемь лет. Семья Назарянов, чтобы избежать позора, спешно обменяла квартиру.

– Никому даже не сказали, где их искать! – злобно шипела Соломоновна. – Только шила в мешке не утаишь. Эмин-то положенный срок отсидел и вернулся. Сама лично его видела, когда он сюда приходил.

– К родителям?

– Родители его тут давно уже не жили, – махнула рукой Соломоновна. – Говорю вам – перебрались на новое место, едва только парня осудили. Да и как им было тут жить? Каждый в глаза мог им сказать, что они убийцу себе на горе вырастили. А и не сказали бы, так сами должны были понимать. Люди ведь все помнят.

– Особенно хорошо они помнят чужие ошибки и промахи, – проворчала Мариша.

Соломоновна язвительности в словах девушки не услышала. И потому кивнула и продолжала:

– Ну так вот, пришел Эмин, в дверь родную постучался, а оттуда ему чужие люди и говорят: «Пошел прочь! Знать мы тебя не знаем! И где твой сейчас живут, тоже не знаем!»

– И куда же он пошел?! – вырвалось у Мариши, помимо воли почувствовавшей жалость к парню, от которого отвернулись все его родные.

Но Соломоновна явно ее чувств не разделяла.

– Откуда мне знать? – равнодушно пожалала она плечами. – Пошел куда-то. Небось оброс в тюрьме связями. Приютили его дружки-уголовники. Они своих не бросают.

– Зачем вы так? Может быть, он и не был ни в чем виноват?

– Невиновных не судят!

– Сами же сказали, что Эмин был тихий. Мухи не обидел за свою жизнь. Его могли оговорить.

– Если не был виноват, зачем тогда чужую вину на себя взял?!

С этим утверждением не поспоришь. Подруги и не пытались. Не удивила их и позиция родителей Эмина, поторопившихся уехать подальше от позора. Вот только странно, почему они не предупредили своего младшего сына, что переехали?

– А чего тут понимать?! – фыркнула Соломоновна. – Не предупредили, значит, не хотели, чтобы он явился к ним после отсидки!

– Как это? – ахнули подруги.

– Вычеркнули Назаряны младшего сына из своей жизни! Он их опозорил. Не захотели они знаться с убийцей!

– Все?

– Отец, мать и брат. Все уехали.

Мариша задумалась. По словам Гоар Акоповны, у ее брата было трое детей. Старший уехал с родителями. Младший оказался за решеткой. А где же третий?

– Я про третьего ничего не знаю, – покачала головой Соломоновна. – Двое мальчиков у Назарянов росло. Назар и Эмин.

На улицу подруги вышли в смятении. С одной стороны, им было отчего-то жаль младшего Назаряна. А с другой – их возмущала черствость его семьи. Ну, позор, понятно. Переехали. Разное в жизни случается. Но как можно было совсем отвернуться от Эмина?

– Могли хотя бы предупредить, что они в этом доме больше не живут! – возмущенно произнесла Мариша. – Представляешь, каково это – вернуться из колонии и обнаружить, что он бомж?!

Но Юля думала о другом.

– Пусть Назаряны и переехали, но в паспортном столе милиции должны остаться записи о том, где они поселились потом.

– Думаешь?

– Раньше с этим было строго. Ни один человек не мог переехать и не указать, куда именно. Ты что, сама не помнишь?

– Помню, разумеется, – проворчала Мариша. – Хотя это и бестактно – указывать мне на мой преклонный возраст.

– Милостивый боже! О чем ты только думаешь! Умирать от рака и плакать, что от химиотерапии часть волос вылезет.

– Ты это к чему?

– К тому, что нечего о пустяках беспокоиться. У нас с тобой есть важное дело. И мы должны его завершить.

Мариша, в общем-то, была того же мнения. Тем более что деньги на розыскную деятельность Гоар Акоповна перевела им без обмана. Подруги получили их в банке сегодня, до копейки.

– Но сейчас идти в милицию уже поздно. Паспортный стол работает от силы часов до семи. А сейчас уже десятый час.

– Можем пойти к участковому, – предложила Мариша, ощутив неожиданный прилив бодрости, как с ней бывало всякий раз, когда она нападала на след.

– Просто в милицию идти? Не наивно ли?..

– Не скажи. Раз Эмин был арестован, осужден и находился в местах лишения свободы, за ним должен был осуществляться контроль. И он точно находился на особой отметке у участкового.

– Это было сорок лет назад! Тогда ему было восемнадцать. Значит, сейчас ему пятьдесят восемь. Неужели ты думаешь, что менты пасли его все эти годы?

Но, как обычно, верх в споре одержала Мариша. И подруги отправились в ближайшее отделение милиции.

Глава четвертая

Нельзя сказать, что их тут приняли с распростертыми объятиями. Долгое время усатый участковый в очень чистой и тщательно отглаженной рубашке не мог понять, чего вообще хотят от него девушки. А когда понял, то покачал головой.

– Дело с таким сроком... давно сдано в архив.

Юлька уже повернулась, чтобы уходить, но Мариша не торопилась. Она отлично знала, что менты вовсе не такие любители перекладывать бумажки, как о них можно подумать. Иные тома пылятся у них на полках годами и даже десятилетиями.

– Тем более у вас и компьютер есть, – лстиво произнесла Мариша. – Почему бы не посмотреть, вдруг Назарян Эмин там есть? Нам бы только узнать его последнее место пребывания. Хоть какую-то зацепку!

Усатый участковый тяжело запыхтел. И покосился на остывающий бокал с чаем и кучку аппетитных бутербродов. Ужин призывно требовал внимания. Но приняться за еду в присутствии посторонних ему не позволяло полученное в детстве хорошее воспитание. Наконец, он молча встал и направился к столу, на котором пылился компьютер.

– Назарян, – бормотал он себе под нос. – Знакомая фамилия. Странно, где я мог ее видеть. Ага! Вспомнил, верно – в архив собирался дело передать.

– И передали?

– Собирался, – повторил майор. – Вот он! Назарян Назар. Этот?

– Нет. Хотя погодите! А кто он?

– Проходил свидетелем по делу некоего Эмина Назаряна.

– Вот этот наш! – обрадовались подруги, но тут же насторожились. – Минутку, что же это выходит: старший брат проходил свидетелем по делу младшего?

– Или отец?

– Он ведь тоже был Назар Назарян.

– Черт бы побрал этих Назарянов с их идиотскими обычаями давать старшим сыновьям имя отца, – рассердилась Мариша. – Это же какая путаница получается! Имя одно. Отчество тоже одно. И фамилия одна!

– Как тут понять, кто он такой?

– Не знаю, кто и кому там приходился братом или отцом, – проворчал мент, снова выразительно покосившись на свои аппетитные бутерброды. – Дело давнее. Но адрес, по которому был зарегистрирован этот самый Назар Назарян, могу вам сказать. Нужен он вам?

Еще бы! Подруги чуть ли не с руками оторвали его. И, горячо поблагодарив доброго участкового, поторопились уйти.

– Город Абовян, – прочитала Мариша. – Где это?

– Не знаю, – откровенно зевая, призналась Юлька. – Какая сейчас разница? В гостинице спросим.

Мчаться немедленно в Абовян у подруг в самом деле не было никакого желания. Мариша совершенно умоталась за сегодняшний день. И сейчас усталость навалилась на нее, словно ватное одеяло. А Юлька просто боялась темноты, которая стремительно наступила на них со всех сторон, стоило им выйти из отделения милиции.

– Жутко как! – выдохнула Юля. – Мариша, ты чувствуешь? Того и гляди из кустов насильники или маньяки выбегут.

– Угу. Размечталась!

Но стоило ей произнести эти слова, как сбоку от того места, где стояли подруги, внезапно вспыхнуло что-то ярким светом, а потом раздался странный звук, словно от удара. Потом задрожало старое дерево рядом с ними. И один из больших сучьев, оторвавшись от ствола,

полетел вниз. Девушки взвизгнули и метнулись прочь, чтобы избежать удара. Им это удалось. Сук стукнулся о землю позади них. А подруги, напуганные неизвестно чем, бежали со всех ног.

Наконец, достигнув освещенного участка дороги, где сновали люди, ездили машины и вообще было совсем не страшно, они остановились. И, переведя дыхание, уставились друг на друга.

– Что это было?

– Похоже на выстрел.

– И в кого стреляли? В нас?

– Почему сразу в нас? – неуверенно покачала головой Мариша. – Просто стреляли.

– Но попали в дерево всего в паре метров от нас.

– Случайность! – попыталась успокоить подругу Мариша.

Но Юлька не желала успокаиваться:

– Ничего себе случайность! Стой мы чуть ближе, в одной из нас могла бы уже образоваться дырка!

– Не преувеличивай!

– Нет, мне нравится твое спокойствие! – взвилась Юля. – В нас стреляют, а ты и ухом не ведешь!

– А что ты предлагаешь? Вернуться назад и разобраться? Порыскать по кустам в поисках психа с пистолетом? Или оторвать участкового от его бутербродов? Так он вместо них нами поужинает.

Нет, возвращаться назад Юля не хотела ни за что на свете. И подруги, поймав такси, отправились в свою гостиницу. Всю дорогу Юлька вертелась на сиденье, поглядывая назад.

– Вроде бы погони за нами нет, – шептала она. – Хотя могу и ошибаться.

В общем, она так взвинтила Маришу, что у той начали трястись руки и дрожать ноги. До гостиницы и по ступеням лестницы подруги мчались словно горные козы, на ходу отменяя приглашения на сегодняшний вечер от вчерашних знакомых. И лишь оказавшись за дверями своего довольно невзрачного, но зато ставшего почти родным номера, почувствовали себя в относительной безопасности.

...На следующий день страх от пережитого ими накануне стресса почти прошел. И девушки, вызвав такси к самому входу в гостиницу, выехали в Абовян. Хотя по дороге бдительно поглядывали, нет ли за ними погони. Погони не было.

Абовян оказался маленьким городком всего километрах в сорока от Еревана.

– Ничего особенного там нет, – сообщил подругам портье в холле их гостиницы. – В толк не возьму, что вам там понадобилось?

– Слышали, что очень красивый городок.

– Обычный, – пожал плечами портье. – Скверики там в центре в самом деле симпатичные. Но вот, собственно говоря, и все, что в нем есть хорошего.

Но подруг интересовали не скверики и не садики. И не музеи вкупе с историческими развалинами и археологическими раскопками при них. Девушек интересовали частные дома Абовяна. А точнее сказать – один из них, в котором обитала семья Назарянов. Тех самых Назарянов, которые сбежали из Еревана от стыда и позора за своего младшего отпрыска. Туда-то, в этот дом, подруги и направлялись ранним солнечным утром.

Таксист довез их до места быстро и без проблем. Подруги расплатились, без сожаления заплатив какую-то совершенно ерундовую сумму по счетчику и удостоившись кучи цветистых комплиментов и пожеланий доброго пути и удачи. Определенно, армянские мужчины продолжали радовать подруг своей галантностью. Но вот дом, куда они попытались проникнуть, порадовал их куда меньше.

– Никакие Назаряны тут не живут! – заверила подруг здоровенная бабища с украшенной усами верхней губой. – Поищите вон там!

И когда она подняла руку, чтобы показать, в каком направлении им следует двигаться, чтобы узнать про Назарянов, девушек едва не стошнило. Через просторный домашний халат с обрезанными рукавами было видно, что под мышками эта особа волос сроду не брила.

– Нет, ты это видела? – прошептала пораженная Юлька, едва выбравшись за ограду. – У нее под мышками по целой бороде!

– А на ногах до самых колен валенки. Как ей не жарко?

– Ага. А еще страшно даже представить, что творится у этой особы выше этих самых колен. Ну там, под платьем.

Мариша представила, и ей в самом деле стало страшно. А Юлька все не могла успокоиться.

– Нет, ты только подумай, эта матрона обросла волосами, словно какой-то дикарь, не мылась, судя по запаху, с прошлой Пасхи, но при этом она замужем и явно довольна своей жизнью. А я борюсь с какими-нибудь жалкими двумя-тремя волосинками, которые вырастают у меня на коленке, но при этом одинока и несчастна. Где логика, я тебя спрашиваю?! Где она?

Этого Мариша не знала. Так же, впрочем, как и соседи волосатой матроны не знали, куда подевались Назаряны. Пришлось подругам снова топтать в отделение милиции. Но паспортный стол работал сегодня только во второй половине дня. То есть с трех. Однако, как выяснилось, паспортистка была в Абовяне представлена в единственном лице и графика работы придерживалась весьма приблизительно. Прождав ее до четырех часов вечера, подруги, пользуясь указаниями добросердечных аборигенов, потопали к ней домой.

Эта достойная особа обнаружилась в скорбной позе возле виноградной лозы, с горестью рассматривая последнюю.

– Тля все жрет, – пожаловалась она подругам. – Прямо напасть. Никогда такого не было. А в этом году словно с неба свалилась. Ну, чего вам?

Узнав, что подругам срочно требуется ее присутствие в паспортном столе, женщина тяжело вздохнула.

– Не могу я сейчас виноград оставить! Видите, что творится? Если не обработаю, эти твари все листья пожрут.

Виноградные лозы тянулись вдоль всего забора, обвивали дом и свешивались с деревянных стропил, образуя нечто вроде тенистого полога. В августе – сентябре, когда поспевал весь виноград, тут должно было быть просто чудесно. И подруги разделяли беспокойство паспортистки по поводу ее винограда. Пропали она пропадом, ее работа, когда тут такой урожай гибнет.

– Слушайте, давайте мы вам поможем с виноградом, – вызвалась Мариша, – а потом мы вместе пойдем к вам на работу, и вы нам найдете нынешний адрес наших знакомых.

С этим предложением паспортистка с восторгом согласилась. И пока они дружно опрыскивали виноградные лозы каким-то вонючим составом, то успели познакомиться и почти подружиться. Во всяком случае, они рассказали внимательно слушающей их паспортистке историю своих поисков. И получили от нее самые горячие клятвы, что, как только будет покончено с виноградом, она вся в их распоряжении.

Но клятвы клятвами. А после того, как была закончена обработка виноградников, пришли с работы муж и старший сын паспортистки. Их нужно было накормить. А заодно женщина угостила и подруг. И лишь после того, как грязная посуда была убрана со стола, вымыта, вытерта и расставлена по местам, паспортистка смогла приступить к своим служебным обязанностям. Не беда, что к этому времени на улице уже стемнело. Зато новый адрес Назарянов подруги получили без труда. И до паспортного стола доехали с шиком. Их всех довез старший сын паспортистки.

К тому же напрасно подруги опасались, что неугомонные Назаряны перебрались еще куда-нибудь за тридевять земель, где разыскать их будет чертовски трудно.

– Тут они живут, – успокоила подруг паспортистка.

– До сих пор?

– Да. На окраине города их дом. Могу подсказать, как лучше добраться.

– Зачем, мама-джан? – вмешался в разговор ее сын. – Я отвезу всех. Не проблема.

И в самом деле отвез. Потом мать и сын пожелали подругам всяческих благ. И укатили домой к отцу. А подруги остались возле закрытых ворот дома, где обитали Назаряны.

– Что-то мне стало страшновато, – пожаловалась Юлька, снова припомнив свои вчерашние страхи.

– Угу.

– Тебе тоже страшно?

– Неловко. Уже почти вечер. Ворота заперты. Как мы в дом к незнакомым людям ломиться станем?

Юля посмотрела на ярко освещенные окна дома. За шторами двигались человеческие фигуры. Негромко звучала национальная музыка и слышался запах чего-то жарящегося и мясного.

– М-м-м, вкусно!

– Ты только что поужинала.

– Все равно. Аппетит приходит во время еды. Звони!

И Мариша нажала на кнопку звонка. Минут пять ничего не происходило. Лишь в доме фигуры словно замерли. А потом снова возникло движение. Калитка возле ворот распахнулась, и угрюмый мужчина лет сорока – сорока пяти с худым, чисто выбритым лицом вопросительно посмотрел на подруг. На голове у него красовалась широкополая шляпа, что сначала заставило подруг оторопеть. Но затем Мариша все же выдавила из себя:

– Добрый вечер! Скажите, тут живут Назаряны?

Мужчина кивнул, по-прежнему не демонстрируя особой приветливости.

– Мы привезли вам новости от бабушки Гоар Акоповны!

Некоторое время мужчина размышлял. А потом резко произнес:

– Не знаю такой!

И захлопнул тяжелую деревянную калитку прямо перед носом подруг. Хам! Невоспитанный тип! Бирюк в шляпе!

– Хе-хе-хе! – раздалось со стороны. – Назар в своем репертуаре.

Подруги посмотрели. Сдавленный смех исходил откуда-то из зарослей кустарника. Что это было за растение и кто в нем прятался, сейчас в темноте было не видно. Но затем кусты дрогнули. И в полосе света от уличного фонаря появился седой старичок.

– Вежливо он вас отвадил, – улыбнулся старичок девушкам. – Ну да вы не тушуйтесь. Коли у вас к Назарянам какое-то дело, звоните смелее. С ними нахальней нужно держаться, а то мигом прогонят прочь.

– Почему?

– Такие уж люди, – пояснил старик. – Нелюдимые очень. Вот у хозяйки сегодня день рождения, а разве они гостей позвали?

– Нет?

– Нет! Ни соседей, ни друзей! Только своей семьей собрались. Он сам, его жена, да ее брат с женой. И сын. Вот и все гости. Разве это дело?

– Понятно, – недоуменно протянула Мариша, которой, по правде сказать, ничего понятно не было.

Она уже привыкла, что армяне на редкость гостеприимный народ. И по поводу и без всякого повода собирают застолье. И вдруг такая нелюбовь к шумным пирам. И ведь повод есть.

День рождения. И вести от Гоар Акоповны, собирающейся осчастливить этого грубияна своим немалым, надо полагать, наследством. Отсюда возникает вопрос: а достоин ли этот грубиян такого счастья?

Похоже, аналогичные мысли крутились и в голове у Юльки.

– Вот только интересно мне знать, а кем же он приходится нашей старушке?

– В смысле?

– Ну, он явно не ее старший брат. Тому было бы уже за восемьдесят. И не его старший сын Назар. Тот тоже выглядел бы старше. Тогда кто?

– Судя по тому, что этого типа зовут все же Назаром, он внук старого Назара – брата Гоар Акоповны.

– Внук ее брата? Как думаешь, годится он ей в качестве наследника?

Мариша развела руками.

– Других-то все равно нет! Будем использовать то, что есть.

И подружки принялись снова барабанить в ворота.

– Собаку спущу! – раздался предупреждающий крик хозяина из дома.

– Ну, погоди! – разозлилась Мариша. – Вот обидимся и уедем. Не видать тогда тебе наследства твоей двоюродной бабки!

– Вам что, деньги не нужны? – поддержала ее Юлия из-за забора. – Старая Гоар – сестра вашего дедушки – умирать собралась. Наследников ищет! Вы что же, слишком богаты, чтобы отказаться от ее миллионов?

Про миллионы Юлька лягнула просто так, для красного словца. На самом деле она понятия не имела, в каких суммах исчисляются накопления старой армянки. Но полагала, что как маслом кашу не испортишь, так и лишний нолик в сумме наследства делу не повредит. И оказалась права.

После непродолжительных переговоров внутри дома во дворе снова появился хозяин. На этот раз он был не один, зато без шляпы и в сопровождении длинной тощей женщины. Если хозяин был угрюм, и только, в целом он подругам даже понравился, то его супруга, а это, без сомнения, была она, подруг заставила вздрогнуть.

Лицо у нее было тоже худое, но при этом какое-то хищное, словно у стервятника. Да и в глазах поблескивало нечто такое... такое... Одним словом, это был не тот человек, дорогу которому подружки хотели бы перейти. Злобная стерва – таков был единодушный приговор подруг. И как показало время, они в своем диагнозе не ошиблись.

– Говорите, приехали от старой Гоар? – без всякого приветствия спросил у подруг хозяин дома. – А доказательства у вас есть?

– Есть документы и семейный архив, который она нам передала, – бойко ответила Мариша. – Взглянуть желаете?

Мгновение поколебавшись, Назар все же кивнул.

– Проходите в дом, – прибавила его жена.

И снова подружки не услышали даже намек на доброжелательность и гостеприимство. Но делать нечего. Они сюда не развлекаться приехали. Выполняют возложенную на них миссию, договорятся с наследником Гоар Акоповны – и все. Будут сами развлекаться на свой вкус. Станут ходить по музеям, поедут на озеро Севан и...

– У нас сегодня праздник, – сухо сообщил подругам Назар, перебив их мятежные мысли. – Раз уж так вышло, что вы присоединились, садитесь к столу.

Надо сказать, праздничный стол, в отличие от хозяев, радовал глаз морем разносолов. Салаты, мясные, рыбные и овощные закуски. Грибы, пирожки, долма, ветчина. А еще фрукты, сладости, пахлава, от которой пахло настоящими грецкими орехами и медом. И даже целый поросенок на блюде в центре стола.

Жена хозяина с немыслимым в быту именем Лолита быстро поставила перед подругами чистые тарелки. И, условно говоря, их приняли в компанию. Правда, сам Назар переместился к подругам и потребовал, чтобы они показали письма и фотографии от старой Гоар Акоповны.

– Верно, это мой дед, – заявил он, показывая на одну из фотографий. – У нас дома была такая же. Но я никогда не слышал, чтобы у моего деда была родная сестра.

– Ничего удивительного. Ведь они перебрались в Ленинград задолго до вашего рождения.

– Ленинград – это вам не Америка, – покачал головой Назар. – Да и в Америке... Вот у нее, – кивок в сторону жены, заметно напрягшейся, едва разговор зашел о наследстве, – в Америке есть родня. Не могу сказать, что они регулярно звонят. Но все же не забывают.

– И что вы хотите этим сказать?

– Фотографии эти я узнаю, – пожал плечами Назар, явно пребывая в растерянности. – Но вот про бабушку Гоар я слышу впервые. Простите, но я должен буду навести справки.

– У отца?

– Мой отец скончался, – помрачнел Назар. – Так же, как и дедушка. Но есть еще дальняя родня, они могут помнить, была у моего деда сестра или нет.

Подруги переглянулись. Станный человек. Чего он упирается? Можно подумать, что наследство от разных там дедушек-бабушек ему каждый день на голову сыплется, и он уже просто не знает, чье брать, а кому отказать!

– Наверное, вы не поняли, – попыталась объяснить хозяйину дома Мариша, – Гоар Акоповна твердо считает вас своим родственником. И намерена оставить свое имущество именно вам. От вас не требуется согласия. Мы вас нашли. Теперь сообщим ей и...

– Нет.

Подруги онемели.

– Нет? – повторили они следом за хозяином. – Почему нет?

– Пока я не буду уверен, что это в самом деле моя родственница, я деньги не приму.

При этих словах его жену буквально перекосило. Да и сами подруги, которых это, в общем-то, не касалось, были поражены подобной принципиальностью. Не часто встретишь человека, который способен отказаться от немалых денег только потому, что не уверен точно, ему ли они принадлежат.

– Вы это серьезно? – прошептала наконец Юлия.

– Вполне.

И, вежливо кивнув подругам, хозяин дома отсел от них, занявшись другими гостями. Зато к подругам устремилась Лолита. Она буквально засыпала их вопросами, все время осторожно поглядывая в сторону мужа. Вот Лолита, подруги в этом не сомневались, хапнула бы чужие денежки, не моргнув глазом. Даже странно, что два таких разных человека поженились и до сих пор не поубивали друг друга.

Впрочем, ответ нашелся быстро.

– Нас поженили родители, – объяснила Лолита в ответ на вопрос, как она познакомилась со своим мужем. – Мне подошло время выходить замуж. А Назар хотел жениться. Вот они нас и познакомили. Так это дело давнее. Давайте вернемся к наследству.

Подруги предпочли бы обсудить это с настоящим наследником, а не с его половиной. Но что делать, если Назар демонстрировал потрясающее равнодушие к наследству. Зато Лолита изнывала от любопытства.

– Я что-то не поняла: старушка готова отдать деньги любому Назаряну или только тем, в ком течет кровь ее брата?

Лолита так увлеклась расспросами, что подруги почувствовали благодарность, когда Лолиту отвлекли каким-то вопросом. Зато к ним тут же подседа полная добродушная женщина, выкрашенная под блондинку, но с угольно-черными бровями. Причем они были не

выщипаны, а не слишком аккуратно выбриты. И между ними сохранилась полукруглая щетинистая дорожка, по которой легко узнавалась первоначальная форма этих мощных бровей.

Зато женщина держалась куда приветливей своей сестры.

– Кушайте, девочки, кушайте, – ласково приговаривала она. – Вы ведь издалека приехали. А моя сестра, когда дело касается денег, способна уморить любого. Сколько они живут, столько удивляюсь Назару и его терпению. Я бы на его месте давно сбежала бы от Лолы за тридевять земель.

– У нее такой тяжелый характер?

– Ужасный! Родители уже и не чаяли, что сбегут ее хоть кому-нибудь. Но нашелся все-таки и на Лолиту дурак.

И практически без передышки Анита, повернувшись к хозяину дома и подняв стакан с вином, воскликнула:

– Сто лет жизни тебе, Назар. О тебе говорю. О твоём великом терпении! За тебя пью!

Назар молча кивнул. И улыбнулся. Улыбка неожиданно преобразила его. И подружки подумали, что, возможно, их хозяин вовсе не такой уж угрюмый отшельник. Просто жизнь с неугомонной стервозной женой сделала его таким мрачным.

– Наверное, она ему постоянно сцены устраивает, – предположила Мариша. – Ну и особа!

– Уже до язвы мужа довела, – кивнула головой Анита. – А ему ведь еще и сорока лет нету. Не понимает, глупая, если он всерьез заболеет и умрет, что с ней-то будет? О ее характере на сто километров в округе все наслышаны. Больше ее замуж никто не возьмет. Одна помрет. Как есть одна! Воды подать некому будет.

– А ей вы это говорили?

– Много раз! Только от нее одно слышно – деньги, деньги. Можно подумать, в них только счастье.

Рассуждая, Анита все подкладывала и подкладывала подругам лакомые кусочки. Подливала вина. Милая, теплая женщина, заботливая мать и преданная жена, она вызывала доверие и симпатию.

Затем за столом затянули песню. Подруги хотя и не понимали слов, но старались подпевать по мере сил. Потом включили музыку и стали плясать. Ничего хитрого. Достаточно было разучить несколько основных танцевальных па, и ты уже почти армянка. Крутишь бедрами и делаешь красивые вращательные движения руками. У подруг получалось.

Назар в общем веселье участия не принимал. Его лицо кривилось то ли от боли, то ли от тяготивших его мыслей. Но в конце концов он поднялся и подошел к подругам.

– Хочу показать вам дом, – предложил он им. – Пойдемте.

Подруги были несколько удивлены, но отказаться не посмели и молча последовали за хозяином. Как они уже поняли, дом был большим, добротным и отделанным красиво и со вкусом. Чувствовалось, что в дом вложено много сил и души.

– Какая резьба! – восхитились подруги, увидев чудесные перила, которые обрамляли лестницу, ведущую на второй этаж.

– Вам нравится? – улыбнулся хозяин дома. – Это моя работа.

– Вы – мастер этой красоты?

– А то! – ухмыльнулся Назар, снова заметно оживляясь.

И он принялся показывать подругам, где еще в доме есть его работы. Он и в самом деле был художником, что называется – от бога. И похоже, бедолаге в его собственной семье не хватало простого человеческого участия и внимания. Вот он и радовался, услышав от гостей похвалу своему мастерству. А подруги не скупилась. Во-первых, потому что ничто не стоит так дешево, как доброе слово. И ничто не ценится так высоко. Разумеется, при условии, что оно звучит искренне и идет от сердца. Но подругам в самом деле нравилось то, что создавал хозяин дома. А во-вторых, им стало просто жалко этого вконец затюканного стервозной женой чудака.

– Будь у меня такой муж, я бы считала, что мне повезло, – прошептала Юлька на ухо Марише.

– Так действуй.

– Это я просто к слову.

– Так нечего и болтать зря!

Но диалог подруг был прерван.

– А вот тут комната, в которой хранится она, – произнес Назар.

– Она? – очнулись девушки. – Кто она?

Сразу на ум полезли всякие нехорошие ассоциации. Уединенный образ жизни хозяев дома. Их нежелание пускать к себе посторонних. Кто у них тут спрятан? Какая-нибудь заблудшая жертва?

– Она – моя коллекция старинного оружия, – пояснил Назар, и чары спали. – Главное сокровище моего дома.

Подруги с интересом перешагнули порог комнаты. И ахнули. Оружия тут и в самом деле было предостаточно. Кривые сабли, кольчуга, щит, ножи и даже меч. Кроме прочего, тут был еще один кубок, по виду серебряный, но оказавшийся на самом деле оловянным.

– Вот этот кубок – мое главное сокровище, – с гордостью произнес Назар.

– Почему?

Подруги откровенно были удивлены. Их кубок не впечатлил. Тусклый металл. Никаких украшений, кроме узкой кованой полоски по кругу с какими-то старинными буквами, прочесть которые они не могли.

– Что тут написано?

– Это старый язык, – произнес Назар, держа кубок в руках. – Армянский, разумеется, но я и сам толком не понимаю. Что-то о том, что владеющий им и еще какими-то предметами будет властелином всего.

– Видимо, это, связанное с культовыми церемониями, – предположила Мариша. – Вроде как у нас у царей полагалось иметь скипетр и державу. А впоследствии еще и корону. Ну и для священников, у них свои регалии.

– Соответственно сану каждого, – поддакнула Юля.

Назар никак не прокомментировал слова подруг. Он молча поглаживал кубок по шероховатому боку.

– С этим кубком связана одна наша семейная история, – сказал он наконец. – Видите эту неровность?

И он показал на чуть вогнутую часть кубка.

– Видим.

– Этим кубком мой пращур убил своего врага.

– Убил? Как убил?

– Предание на этот счет ничего не говорит. Но лично я думаю, что он треснул им нахала, посмевшего приставать к его жене, которая была у него редкой красавицей, по голове. И проломил ее.

– Голову? Кубком?

– Именно. Оттого и появилось вот это углубление.

Теперь подруги посмотрели на кубок с куда большим, чем прежде, уважением. Выходило, что перед ними не просто неказистый сосуд для возлияний, как они подумали вначале, а вроде бы орудие убийства. Это во многом меняло их отношение к предмету.

– И что было за это вашему предку? – зачарованно глядя на кубок, спросила Мариша.

– В каком смысле?

– Его посадили в тюрьму? За убийство?

Назар рассмеялся.

– Нет, времена тогда были простые. Честь ценилась высоко. А умение постоять за нее – еще выше. Думаю, что он отделался штрафом, который уплатил родственникам погибшего.

Назар вдруг побледнел и прижал руку к животу.

– Вам плохо?

– Нет, нет, – с натугой произнес он. – Все в порядке. Это моя язва дает о себе знать. Обильная еда, вот она и встревожилась. Сейчас пройдет. Не беспокойтесь.

Бледность в самом деле отступила. И хозяин смог продолжать показ коллекции.

– Вот эту кольчугу, опять же по преданию, носил на себе воин, сражавшийся под знаменами святого Арутюна.

– Этот нож тоже его?

– Нет, это арабский клинок. Видите характерную арабскую вязь на гарде?

– А это? – спросила Юля, разглядывая другой клинок. – Какие красивые узоры на самом металле. Как их сделали?

– А это дамаск. У нас его еще называют булат. Но разницы практически никакой. Два или больше видов разной стали перемешивают при ковке. Они наслаиваются друг на друга. И получается красивый узор. Каждый такой клинок неповторим.

– Наверное, он дорого стоит?

– Ценность коллекционного оружия в его владельцах и в том, что за история стоит за каждым клинком, – серьезно произнес Назар. – Про эту саблю мне ничего не известно. Поэтому я сохранил ее только за красоту узора дамаска.

– Но ведь это все оружие ваших предков?

– Вовсе нет, – удивился хозяин. – С чего вы взяли?

– Но ведь кубок... Он принадлежал вашему пращуру.

– Кубок – дело другое. Собственно говоря, это единственная из всей моей коллекции вещь, которая принадлежала нашей семье.

– А оружие?..

– Оружие, кольчугу и щит я приобрел уже сам. Но начало моей коллекции положил именно дедов кубок. С него я начал интересоваться старинными вещами.

В это время Назар снова побледнел. На лбу у него выступили крупные капли пота. И, прижав руку к животу, он согнулся и глухо застонал.

– Что с вами? – кинулись к нему подруги.

– Язва, – прошептал страдалец. – Кажется, мне совсем плохо. Девочки, принесите лекарство. Нет, лучше сразу врача! Господи, как больно! Позовите врача!

С этими словами, снова застонав, он рухнул на пол. Пол задрожал под его оказавшимся неожиданно тяжелым телом.

– Что там происходит? – раздался пронзительный голос Лолиты. – Назар, надеюсь, ты ничего не разбил?

– Скорей! – закричала в ответ Мариша. – Идите сюда! Вашему мужу плохо!

Лолита примчалась. А следом за ней и Анита с мужем и сыном. Все столпились в дверях, глядя на затихшего Назара.

– Мы смотрели коллекцию. И ему неожиданно стало плохо, – поспешно объясняла Мариша. – Он упал. А перед этим жаловался на язву.

– Обычное дело, – вздохнула Лолита. – Назар! Назар! Ты меня слышишь?

Муж молчал. Ни стопа, ни вздоха. Учтывая, как громко он стонал перед этим, такое молчание настораживало. Но, похоже, только подруги уловили в ситуации нечто странное. Лолита ничуть не смутилась.

– Назар! – потрясла она мужа за плечо. – Вставай! Если приступ прошел, может быть, обойдемся без доктора? Он денег возьмет. А, Назар?

Мужчина продолжал молчать. Лолита нагнулась ближе. И вдруг замерла.

– Назар! – повторила она странным заледеневшим голосом. – Ты что?

Теперь и в ее голосе отчетливо слышался страх. Она подняла глаза и посмотрела на сестру.

– Анита... Ты понимаешь... Посмотри, мне кажется, он не дышит!

Запыхтев, словно слониха, Анита тяжело опустилась рядом с сестрой. И затормошила Назара.

– Хватит! Повалял дурака, попугал нас и хватит! Он не дышит!

– Брось! – отмахнулась от сестры Лолита. – Он же шутник! И такие розыгрыши вполне в его духе. Помнишь, как он напугал нас всех прошлым летом? Нырнул в речку, проплыл под водой до скал и только там вынырнул. А мы думали, что он утонул. Бегали по берегу, вопили, плакали, как идиотки. Волосы на себе рвали. А он сидел в двадцати метрах от нас и потешался.

– Но он не дышит!

– Задержал дыхание!

– Пульса нет!

– Ты не умеешь его искать!

– Сердце не бьется!

– Просто ты не слышишь!

Пока сестры препирались между собой, вперед шагнул муж Аниты – Ашот.

– Отойдите обе! – приказал он женщинам. – Я сам посмотрю.

Осмотр длился недолго. Ашот потребовал зеркало. Лолита приперла огромное напольное.

– Меньше! – поморщился Ашот.

– Меньше нету! – плаксиво заявила Лолита.

Мариша молча сунула свою пудреницу. Ашот благодарно принял ее из рук девушки. И поднес к губам Назара. Потом приник к его груди. И долго вслушивался. А когда поднял голову, то его лицо было бледным, словно новенькая простыня.

– Он мертв.

И хотя Ашот произнес эти слова совсем тихо, подругам показалось, что они отозвались в их головах оглушительным набатом. Рядом зарыдала в голос Лолита, ее вопли тут же поддержала Анита. А следом за ними во дворе вдруг завыл цепной пес, словно провожая своей заунывной песней отлетающую прочь душу хозяина дома.

Глава пятая

Дальнейшее подругам запомнилось смутно. Сначала приехали врачи. Потом подтянулась милиция. А как же без нее? Ведь скончавшийся был мужчиной в самом расцвете сил. Ни на что, кроме жены и своей язвы, не жаловался. И, конечно, его кончина вызвала справедливую настороженность медиков и ментов.

Впрочем, последние вели себя очень корректно.

– Значит, отмечали праздник?

– День рождения.

– И чей, если не секрет?

– Мой, – ответила Лолита. – Мне исполнилось тридцать.

Подруги выразительно переглянулись. Вот дура! Будто бы менты не видят по ее документам, что Лолите все сорок, не меньше.

Однако ментов ее ответ вполне удовлетворил. Тридцать так тридцать, и не такое в своей жизни повидали. Они задали еще несколько дежурных вопросов свидетелям происшедшего. И вроде бы собрались уходить. Но затем ситуация резко изменилась. Подруги четко отметили момент, когда это произошло. Один из медиков, осматривавших тело Назара, таинственно пошептался с одним из ментов. Тот незамедлительно позвал своих коллег. И всем дружным коллективом они заметно напряглись и уходить напрочь передумали.

Вместо этого они начали задавать разные вопросы по поводу минувшего застолья. Например, их интересовало, кто и что кушал? Кто готовил пищу? Были ли посторонние в доме? На все вопросы не подозревающие дурного Лолита и ее сестра давали подробные ответы, думая, что ментов в самом деле интересуют их кулинарные рецепты.

И допрос в итоге затянулся далеко за полночь.

– Мне это совсем не нравится, – прошептала Юлька, пока Анита на полном серьезе диктовала ментам рецепт своей фирменной рыбной закуски, а те с таким же серьезным видом его записывали.

– Самой не нравится. Кажется, они заподозрили что-то неладное.

– Ага. К примеру, что Назара отравили.

– Вот-вот. А кто?

– Откуда я знаю! Но факт, что отравили.

– Да уж, дело ясное, что дело темное.

Но если многоопытным подругам это было совершенно ясно, то сестры, далекие по проницательности от Мариши и Юльки, находились в полном неведении. Они увлеклись своими кулинарными рецептами, пожалуй, забыв о поводе, по которому ими заинтересовались менты.

– А ваш муж, – наконец перешли те к основной теме, – он что предпочитал из вашей стряпни?

Опомнившись, Лолита закатила глаза и снова завывала, изображая безутешную вдову. По ее словам оказалось, что Назар был личностью неприхотливой. Кушал все, что ни поставь. И в этом отношении немногим отличался от поросенка.

– Но ведь у него была язва, не так ли?

– Язва.

– А разве при этом заболевании не требуется специальная диета?

– Ну да, – не слишком уверенно подтвердила Лолила. – Врач что-то говорил по этому поводу. Каши там разные, чтобы желудок обволакивали. Мясо только куриное или телянка, но без шкуры и жира. Вареное, без соли и пряностей.

– И вы ему готовили такую пищу?

– Что я, ненормальная? – возмутилась Лолита. – Портить продукты?

- Другими словами – ваш муж диету не соблюдал?
- Варил себе сам иногда. А так лекарства пил. И не жаловался.
- А сегодня он что ел?
- Все ел!
- И поросенка тоже?
- Конечно.
- Да вы сами попробуйте, – перебила сестру Анита. – Это же объедение, а не поросенок.

Разве от такого поросенка кому-то плохо может стать?

Но пробовать поросенка менты почему-то отказались. И также с опаской отвергли предложение продегустировать закуски, вино и прочее, что находилось на праздничном столе. Зато они заявили, что хотят взять образцы каждого блюда на экспертизу. Сестры тут же вообразили, что у них хотят похитить их кулинарные рецепты. И принялись совершенно по-идиотски ломаться и кокетничать, намекая, что их рецептам цены нет и переходят они из поколения в поколение и только по женской линии. Но менты твердо стояли на своем.

- Тогда мы вам положим всего понемногу, – сдалась Анита и умчалась куда-то.

Обратно она вернулась с целым ворохом пустых пластиковых контейнеров, куда принялась деловито запихивать салаты, закуски и все прочее со стола.

- Стойте, стойте! – попытались умерить ее рвение менты. – Нам только на образец.

Но куда там! Счастливо улыбаясь, женщина щедро накладывала им закуски.

- Сами покушаете и друзей угостите.

Подруги закатили глаза. Свет не видывал такой идиотки! Интересно, она в самом деле не понимает, что менты подозревают отравление, или просто ловко притворяется? Однако, что бы там ни думали про себя сестры, у ментов было свое мнение. И допрос затянулся. Естественно, подруг тоже никуда не отпустили. И пришлось им остаться в этом доме до утра.

А утром обнаружилось другое несчастье. Конечно, несопоставимое по размерам с первым, но тоже достаточно неприятное. Пропал старинный кубок из коллекции бедолаги Назара.

– Куда он мог деться? – возмутилась Лолита, зашедшая в комнату, где хранилась коллекция мужа, и первой обнаружившая пропажу. – Кто взял?

При этом ее маленькие злые глазки уставились на подруг, буквально пробуравив в них по две аккуратные глубокие дырочки.

- Вы зря на нас так смотрите, – возмутилась Мариша. – Мы – не воровки!

– А я откуда знаю? – нагло заявила Лолита. – Только вы приехали, как на наш дом несчастья посыпались.

- Еще скажите, что и мужа вашего тоже мы отравили!

Но муж волновал Лолиту в данный момент куда меньше пропавшего кубка.

– Вещь больших денег стоила, – бормотала женщина себе под нос. – Муж мне говорил, что он очень старинный. Чуть ли не шестнадцатого века кубок. Это же он многие тысячи стоил. А теперь пропал!

И снова взгляд на подруг. От неприятного диалога подруг спасли вчерашние менты. Они снова прибыли. И очень кстати забрали в отделение Лолиту.

- Что? Куда? – кинулась следом за сестрой Анита. – Зачем вы ее забираете?

– Нам необходимо задать ей пару вопросов.

- Задайте их тут! Зачем куда-то для этого идти?

– Следователь велел доставить подозреваемую к нему.

Анита даже задохнулась.

– Подозреваемую? В чем вы подозреваете мою сестру? У нее и так горе! Муж умер, а теперь еще и кубок пропал. А он дорогой был. Шестнадцатого...

Но менты про кубок слушать не захотели.

– Послушайте, – перебил Аниту один из ментов. – Послушайте меня и постарайтесь понять. Муж у этой женщины не просто умер. Он был отравлен.

– Чем отравлен? – затрепыхалась Анита. – Когда? Зачем?

– Вот это нам и предстоит выяснить. И так как мы уже установили, что вчера тут не было никого, кроме вас, вашей семьи и двух гостей из России, то мы просим всех остаться пока что в доме. Вплоть до особых распоряжений.

Это было самое скверное, что могли услышать подруги. Какой кошмар! И их также подозревают в убийстве Назаряна.

– С утра пораньше обвинили в краже кубка, а теперь еще и в убийстве, – прошептала Юлька. – Ну и денек! Боюсь даже предположить, что будет к вечеру.

И ведь в общем-то подруги понимали, что события будут развиваться именно в таком направлении. Если есть труп, должен найтись и убийца. Следовательно, кого-то должны были обвинить в убийстве Назаряна. Но все равно услышать собственными ушами, что в совершенном преступлении подозревают также и их, было неприятно.

Но Лолита восприняла тактику ментов совершенно иначе. Без малейших признаков покорности. То есть в полном соответствии со своим склочным характером, который признавали за ней даже родные.

– Вы бы лучше кубок нашли! – взвизгнула она, уразумев наконец, что происходит. – А я порядочная женщина! Я мужу ни разу за всю нашу совместную жизнь не изменила. Это все он по вечерам из дома шастал. А в чем вы меня-то обвиняете?

– Измена и убийство – это две большие разницы, – пробурчал один из помощников следователя, явно жалея, что поручение – доставить Лолиту в отделение – досталось именно ему. – Первое в нашу юрисдикцию не входит. А вот когда дело доходит до убийства...

Тут он сделал многозначительную паузу.

– Кубок найдите! – возопила Лолита. – Уникальная вещь! Шестнадцатый век! Верните! Я – бедная вдова! Меня теперь каждый обидеть может!

Истерические вопли перешли в такие же оглушительные истерические рыдания. И менты окончательно растерялись. Как им волочь по улицам рыдающую женщину? Все же они не звери. А люди подумают о них именно так, если они сейчас выволокут из дома растрепанную, зареванную и причитающую Лолиту. Нет уж, на это они были не способны.

– Послушайте, – попытался вразумить Лолиту один из ментов. – Никто вас и не обвиняет в смерти вашего мужа. Но вы должны дать показания.

– Зачем? Я ничего не знаю!

– Яд попал в организм вашего мужа с пищей за праздничным столом.

– Все ели одно и то же, – прорыдала Лолита. – Почему же отравился только он один?

– Дело в его язве. Яд оказывает на организм смертельное действие только при попадании в кровь.

– И что?

– Язва – это открытая рана. Через нее яд и попал в кровь вашего мужа, что привело к сердечному приступу, остановке сердца и смерти в конечном итоге.

Лолита помотала головой:

– Ничего не понимаю. Кому могло понадобиться травить Назара?

– Вот это мы и хотим с вашей помощью выяснить! – воскликнул оперативник. – У вашего мужа были враги?

Лолита замолчала. Но неожиданно вместо нее ответила Анита.

– А как же! – воскликнула она. – Только на прошлой неделе Лолита мне жаловалась, что Назару угрожали!

Лолита кинула сердитый взгляд на сестру.

– Что ты разболталась?! – прошипела она, но было уже поздно.

Менты сделали стойку. И пришлось Лолите расколоться:

– Ну да, звонил Назару какой-то сумасшедший!

– Кто именно?

– Не знаю я! Не я, а Назар с этим человеком разговаривал.

– Откуда же вы узнали, что этот человек сумасшедший?

– Назар так сказал.

– А он почему сделал такой вывод?

– Тот человек требовал, чтобы муж продал ему свою коллекцию старинных вещей.

Менты недоумевали:

– И что в этом странного?

– Тот человек предложил Назару за его коллекцию сначала одну сумму. Совсем небольшую. А когда муж отказал, принялся набавлять деньги. И дошел до пяти, а потом и до семи тысяч долларов.

– Ого! – вырвалось у ментов.

– Вот именно! – кивнула Лолита. – А мой Назар отказался! И скажите мне, кто после этого сумасшедший? Он или тот человек, который предлагал такие огромные деньги за кучу старого ржавого железа?!

Менты молчали. Подруги тоже молчали и судорожно соображали. Кубок был в числе экспонатов, которые торговал у Назара неизвестный любитель старины, так? А теперь кубок пропал, так? А хозяин коллекции мертв. Может быть, эти три вещи как-то связаны между собой?

К чести работников армянского уголовного розыска, их мысли двигались в аналогичном направлении.

– Значит, ваш муж отказался продать свою коллекцию? – задумчиво спросил один из них. – А потом погиб? А кубок пропал?

– Ну да, – подтвердила Лолита. – Вы будете его искать?

– Обязательно!

Это обещание, как ни странно, подбодрило Лолиту. Она перестала рыдать. И выразила готовность ехать в отделение, где собиралась дать показания.

– Но вы сказали, что вашему мужу угрожали.

– Этот человек и угрожал! Когда Назар отказался продать тому коллекцию, он страшно расшумелся. Муж после этого разговора пришел весь бледный. Сказал, что тот тип умудрился его напугать своими угрозами. И потом весь вечер жаловался на свою язву.

– А что это были за угрозы?

– Муж не сказал.

И снова вмешалась Анита:

– Назар был человек не робкого десятка. Спросите любого, все вам подтвердят мои слова. Напугать его сложно.

– Да, Назар не был трусом.

– Дядя Назар мало чего боялся.

Это подтвердили муж и сын Аниты.

– Дядя Назар – герой. Он и на войну добровольцем пошел, – добавил юноша. – И на первую линию фронта сам попросился.

– На войну? – удивились менты.

– В Нагорном Карабахе.

Подруги переглянулись. Так, ясенько. Сколько же лет тому назад была эта война? Не так давно. Ну, максимум лет двенадцать прошло. А женат Назар куда больше. Значит, он ушел на фронт, уже будучи женатым человеком. Ого! Ну и мегера должна быть эта Лолита, если мужик на войну был готов сбежать, к черту в пекло, голову сложить, лишь бы удрать от своей жены!

Анита же кивнула и продолжила:

– Назар был храбрый человек. И если Назар после того разговора пришел, как говорит Лолита, весь бледный, значит, тот человек угрожал ему и его близким. Может быть, даже смертью!

Но менты к фантазиям Аниты особенно не прислушались. Они думали о своем.

– И кто был этот человек? – спросили они у Лолиты.

Но женщина снова потеряла интерес к этой теме.

– Я не знаю.

– Муж не сказал вам его имя?

– Нет. И мне кажется...

– Что вам кажется?

– Мне кажется, он сам его не знал.

Менты удивились.

– Минутку! А откуда же тогда у того господина взялся телефон вашего мужа? Откуда он вообще знал, что ваш муж является обладателем коллекции старинных вещей?

– Не знаю.

– Это точно кто-то из ваших знакомых, – объяснили ей менты. – Или, во всяком случае, человек достаточно близкий к вашему окружению, чтобы знать о существовании коллекции.

– Ну да.

– И кто же это мог быть?

– Муж мне не сказал.

В общем, разговор пошел по кругу. Поняв это, менты увезли наконец Лолиту в отделение. А подруги, которым было приказано не покидать дома, остались в обществе одного из оперативников, который собирался вторично осмотреть комнату, где хранилась коллекция оружия. Точнее сказать, не просто комнату, а место двух совершенных в доме преступлений.

Анита и Ашот особого любопытства к предстоящему осмотру не проявили. Но их сын – пятнадцатилетний Нурик – отправился наверх. Подруги, разумеется, тоже. В любопытстве они не уступали подростку. И потому внимательнейшим образом все трое следили за действиями оперативника. Впрочем, ничего такого особенного он и не делал. Осмотрел окна, даже не прикрытые в этой комнате решетками. Осмотрел дверь. И озабоченно поцокал языком, обнаружив, что на двери нету даже плохонького, примитивного замка.

– Что же ваш дядя держал ценную коллекцию без всякой охраны? – попенял оперативник. И Нурик сразу же кинулся на защиту горячо любимого дяди.

– Во-первых, дядя не предполагал, что его коллекция так дорого стоит. Он мне лично много раз повторял, что вещи старинные, но без истории. И потому цены особой не имеют. Да и в их подлинности у дяди Назара были сомнения.

– И все же кто-то предложил за его коллекцию приличные деньги.

– Так это неделю назад случилось. А до этого дядина коллекция только ему самому и была нужна. А запирает дверь... От кого было ее запирает? В доме живут... жили только сам дядя Назар и тетя Лолита. Никого посторонних тут не бывает. Зачем запоры? От кого дяде Назару прятать свою коллекцию? От жены? Так тетя Лолита вообще в эту комнату никогда не входила.

– Кубок пропал сегодня ночью, – произнес оперативник. – Или я ошибаюсь и это произошло еще раньше?

– Вчера он был на месте!

– Когда Назарян показывал нам свою коллекцию, кубок был на месте, – подтвердили слова Нурика и подруги.

– А после?

– Тоже, – сказал Нурик. – Все вещи стояли на своих местах. Я помню.

– И мы помним, – снова подтвердили подруги.

Оперативник кивнул:

– Хорошо, пусть так. Значит, ночью кто-то поднялся в комнату, выкрал кубок и незаметно покинул дом или...

И, со смущением посмотрев на подруг, оперативник спросил:

– Девушки, вы не брали железку?

– С какой стати? – возмутились те.

– Мало ли. Поглядеть хотели повнимательней. А потом запамятовали.

– Можете осмотреть наши вещи!

Как ни странно, оперативник не отказался. Никакого кубка в вещах подруг не обнаружилось. Анита и ее муж тоже не теряли даром времени и обыскали весь дом. Следов кубка в доме также не обнаружилось. И пришлось признать, что ночью в дом проник посторонний, который и выкрал кубок, сбежав с ним.

– Но почему не лаял Вираз? – задумчиво нахмурился Нурик. – У него очень чуткий слух. Отличный сторожевой пес. Мимо него и муха незамеченной не пролетит.

Но этот вопрос решился просто. Оказывается, верный пес, почувствовав смерть хозяина, так грустит, что уполз в подвал. И тихо там оплакивал своего хозяина всю ночь, совершенно позабыв о своих основных обязанностях.

– Пес и сейчас там сидит, – сказал Ашот. – Можете посмотреть. Ни до чего ему дела нет. Какой из него сторож!

– Жаль собаку. Как человек плачет. Слезы из глаз так и текут. Вся морда мокрая.

Все сходили в подвал посмотреть на преданного Виража. Тот в самом деле не проявлял никакого интереса к жизни и уж точно никуда не годился в качестве сторожа. У собаки намечалась глубокая психологическая травма. И всем его было искренне жаль.

– От еды отказывается, – пожаловалась Анита, сама потихоньку вытирая набежавшую слезу. – И даже воды не пьет.

Выбравшись из подвала, оперативник снова приступил к допросу.

– Этой ночью вы не слышали в доме никаких подозрительных звуков? Особенно в той части дома, где находится комната с коллекцией? На втором этаже?

Все переглянулись и дружно покачали головами. Никто ничего не слышал.

– Очень странно, – произнес помощник следователя и глубоко задумался.

Плодом его раздумья стало следующее заявление: если кубок паче всяких чаяний все-таки найдется, об этом необходимо немедленно уведомить следственные органы. После этого милиция окончательно освободила от своего присутствия дом Назарянов. А подруги, оставшиеся без дела, помчались на почту, где принялись звонить Гоар Акоповне. Ситуация явно вышла из-под их контроля. И им не терпелось пожаловаться. Ведь найденный ими с таким трудом наследник оказался убит.

– Не может быть! – сначала не поверила подругам старушка. – О злая звезда! Внук моего брата погиб? Но как это случилось?

Подруги объяснили. И даже дали старушке телефон местного отделения милиции, если она вдруг захочет проверить информацию или узнать какие-либо подробности.

– За это огромное спасибо, – поблагодарила их Гоар Акоповна, внимательно выслушав всю историю в подробностях. – Но я так понимаю – детей у убитого Назаряна не осталось?

– Только жена и племянник.

– Племянник со стороны жены – он не в счет! – отрезала старуха. – Мне нужна только кровь Назарянов. В мальчишке ее нет.

– Но что же делать?

Гоар Акоповна помолчала.

– Для начала вы должны узнать для меня имя убийцы! Чтобы я могла проклинать его вечно!

Хорошенькое дело! Имя убийцы ей подавай! Подругам и самим хотелось бы, чтобы имя настоящего убийцы стало известно следствию и вообще всем. Убийца должен понести наказание. Правда, у них на этот счет были и личные причины. Если найдут убийцу, с них снимут явно нелепое, но такое неприятное подозрение в убийстве Назара.

– Наше честное имя тоже под сомнением, – сказала Мариша. – В момент убийства мы были в доме. И теперь мы под подозрением. Но как нам искать преступника?

– А тут и искать нечего! – отрезала Гоар Акоповна. – Ваше дело только доказать!

– Что доказать?

– Назара убила его жена! По вашим словам я поняла, что она дурно воспитана. Уверена, это сделала эта кошмарная особа!

– Если у нее дурной характер, это еще не основание записывать ее в убийцы!

– Это она! Сердцем чую! Назар не хотел продавать свою коллекцию, а она позарилась на деньги, которые ему за нее посулили. Или на дом. Или на хозяйство. Но, скорее всего, дело в коллекции. Вот и избавилась от мужа, чтобы получить эти деньги!

– А кубок зачем у самой себя украла?

– Чтобы отвести подозрения от своей персоны!

В словах старухи было свое рациональное зерно. Только не вполне понятно, какое именно.

– Короче говоря, – перебила размышления подруг Гоар Акоповна, – я хочу, чтобы вы нашли убийцу моего внучатого племянника. И за это я готова вам заплатить.

– Но мы не можем!

– Я так понимаю, что это в ваших же интересах.

– Лучше мы поищем для вас еще наследников! Не может быть, чтобы из Назарянов больше никого не осталось.

Гоар Акоповна призадумалась.

– Верно, – произнесла она. – Вы сказали, у моего брата родилось два сына.

– Это вы сказали, что у него было трое. Но соседи сказали, что детей у Назарянов было двое.

– Средний мальчик умер еще в младенчестве, – перебила ее Гоар Акоповна. – Как раз за месяц до того, как мы с родителями покинули Армению.

– И его смерть была как-то связана с вашим отъездом?

– Я не буду об этом сейчас говорить. Это никак не может быть связано с тем, что произошло этой ночью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.